

наша Русь

Юрий Акашев

**ИСТОРИЯ
НАРОДА
РОС**

**от ариев
до варягов**

Наша Русь

Юрий Акашев

**История народа Рос.
От ариев до варягов**

«Алгоритм»

2013

Акашев Ю.

История народа Рос. От ариев до варягов / Ю. Акашев — «Алгоритм», 2013 — (Наша Русь)

В книге доктора исторических наук профессора Юрия Акашева с научной достоверностью вскрыт древнейший пласт русской истории. На основе широкого круга письменных источников, данных лингвистики, этнологии, археологии, фольклористики обоснована идея о глубокой древности русского народа, уходящего своими корнями в общеиндоевропейскую эпоху, представлена новая концепция о происхождении его этнического имени, подтверждено существование у древних росов своей оригинальной древнейшей (докириллической) письменности, доказана славянская принадлежность «варягов-руси» и прослежена славянская этимология имен Рюрика и его братьев Синеуса и Трувора. Предназначена книга как для специалистов в области истории и других гуманитарных наук, так и для всех, кто интересуется древнейшей историей русского народа.

© Акашев Ю., 2013

© Алгоритм, 2013

Содержание

Введение	5
Глава I	9
§ 1. Состояние изученности проблемы	9
§ 2. Характеристика источников	24
Глава II	30
§ 1. Понятия «народ» и «этнос» в применении к древнейшим росам	30
§ 2. Происхождение названия русского народа	44
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Юрий Дмитриевич Акашев

История народа Рос: от ариев до варягов

...история древнейшей славянской Руси так богата фактами, что везде находятся ее следы, вплетшиеся в быт всех народов европейских, при строгом разборе которых Русь сама собою выдвинется вперед и покажет все разветвление этого величайшего в мире племени.
Е.И. Классен

Введение

Проблема происхождения русского народа, несмотря на обширную историографию, посвященную различным ее аспектам частного характера, в целом продолжает оставаться малоизученной. До сих пор многие авторы как научных публикаций, так и учебников продолжают придерживаться устаревших гипотез относительно происхождения названия русского народа, требует дополнительного подкрепления решение вопросов об этнической принадлежности древнейших росов, о возможности считать «росов» и «русов» единым народом, о существовании Южной и Западной Руси; о том, кто такие «варяги-русь», упоминаемые русскими летописями, и т. д. Отсутствие ясных ответов на указанные и некоторые другие, подобные им вопросы делает проблему происхождения русского народа чрезмерно запутанной и не только приводит к возрождению и активизации некоторых давно устаревших теорий, но и порождает гипотезы, которые вообще не имеют ничего общего с наукой, но, тем не менее, получают широкую популярность за счет тиражирования некоторыми издательствами и средствами массовой информации.

Русский народ – один из самых многочисленных народов планеты. По данным переписи 1989 г., только на территории Советского Союза русских проживало 145 155 000 человек, из которых 119 866 000 жили в пределах Российской Федерации и 25 289 000 – в бывших союзных республиках СССР. Общие историко-этнические корни с русскими имеют украинцы и белорусы, которых, по тем же данным, насчитывалось соответственно 44 186 000 и 10 036 000 человек. К этим цифрам следовало бы прибавить многочисленных, но, к сожалению, ни одной переписью не учитывавшихся наших соплеменников-эмигрантов, проживающих общинами и в одиночку в Канаде, США, Австралии, Аргентине, Италии и других странах.

Один из крупнейших специалистов нашей страны в области этнологии Ю.В. Арутюнян писал: «Научная и практическая значимость изучения русских – нации, занимающей, безусловно, важное место в истории и современном развитии не только нашей страны, но и всего мира, – очевидна. Помимо исключительной роли в формировании многонационального Рос-

сийского государства, а затем СССР, в развитии экономики страны, ее науки и культуры, русский народ во многом влияет на национальные процессы общества в целом»¹.

Трудно переоценить вклад русского народа в сокровищницу мировой культуры, его роль в мировой истории. Так же трудно найти какой-либо аспект, относящийся к проблеме русского народа, который бы оказался обойденным исторической наукой. И, тем не менее, древнейшая история этого одного из самых значительных во всем мире народа все еще остается покрытой туманной завесой. Историю его, как правило, начинают с образования Киевской Руси. А что было с этим народом раньше? Какой вклад внесли наши предки в историю Древнего мира и раннего Средневековья? И, вообще, с какого времени можно говорить о росах как о народе? Достижения современной этнологии и языкознания позволяют по-новому подойти к постановке вопроса о древности русского этноса.

О необходимости изучения «зародышей прошлого» русского народа очень хорошо сказал выдающийся исследователь Европейского Русского Севера А. Журавский: «В «детстве человечества» – основы для познания и направления грядущих путей человечества. В эпохах «детства России» – путь к познанию России, к контрольному познанию тех исторических явлений нашей современности, которые представляются нам фатально сложными и не подчиненными правящей воле народа, но корни которых просты и элементарны, как начальная клетка сложнейшего организма... И мы обязаны всемерно воспользоваться опытами седого прошлого, и чем ближе к зародышам этого прошлого мы проберемся, тем сознательнее, вернее и увереннее пойдем вперед!»². Возвращаясь еще раз к мысли о необходимости изучения «зародышей прошлого», «детства человечества», Журавский пояснял, что это необходимо нам для того, чтобы русская нация «представлялась нам не в третьем лице множественного числа – «они», а в первом – «мы». Россия же, – по его мнению, – меньше, чем какая-либо другая нация, может познать себя без помощи познания **корней своего прошлого** [выделено мною. – Ю.А.]»³.

В настоящем исследовании основное внимание уделяется начальным стадиям формирования русского этноса, а **главной целью** является доказать глубокую древность русского народа, историко-этнические корни которого уходят в глубь тысячелетий и который оставил свой определенный след в истории древнего мира и раннего средневековья. Достижение этой цели предполагало решение ряда **задач**:

- выявление древнейших корней русского народа;
- выяснение правомочности применения терминов «народ» и «этнос» по отношению к древнейшим росам;
- характеристика этнического самосознания русского народа на самом раннем этапе его развития, включая решение вопросов о происхождении его самоназвания и об особенностях формирования его религиозных воззрений;
- доказательство существования в древнейшие времена длительного периода проживания предков русского народа по соседству с предками арьев;
- • выяснение соотношения этнонимов «славяне» и «росы»;
- постановка вопроса о существовании в древности не только восточной, но и южной, и западной Руси, а также о том, что русский народ имел свою историю древнего мира и раннего средневековья;
- подтверждение этнической принадлежности к росам Рюрика и его братьев, а также народа, известного по русским летописям под названием «варяги-русь».

Объектом исследования является русский этнос на начальных стадиях своего формирования. Разумеется, проблема формирования русского народа весьма многогранна. Она охва-

¹ Русские: Этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1992. С. 5.

² Журавский А.В. Европейский Русский Север. К вопросу о грядущем и прошлом его быта. Архангельск, 1911. С. 14.

³ Там же. С. 29.

тывает обширный ряд аспектов, затрагивает множество вопросов, решить которые вряд ли по силам одному ученому. Поэтому автор, не претендуя на полное и всестороннее ее освещение, в предлагаемой читателю монографии рассматривает некоторые важнейшие позиции, являющиеся опорными при определении русского народа как этноса на самом раннем этапе его формирования.

В качестве **предмета** исследования определены важнейшие составляющие этой масштабной проблемы:

- основные признаки древнейших росов как этноса;
- этноним «росы/русы» (происхождение, этимология);
- особенности культа, религиозных воззрений и мифологии древнейших росов;
- сохранившиеся данные о территориях и времени начала формирования русского этноса;
- информация о древнейших росах/русах, сохранившаяся до наших дней в разнообразных источниках народов мира.

Методологическая основа исследования состоит из четырех категорий научно-исследовательских методов, первая из которых включает в себя общепhilософские методы научного познания, опирающиеся на законы материалистической диалектики. Процессы и явления, которые были предметом нашего исследования, рассматриваются в развитии, во взаимосвязи, в единстве и борьбе противоположностей, с учетом внутренних закономерностей и противоречий и перехода количественных изменений в качественные. Это позволило подойти к трактовке этноса как явления объективного, феномена, не зависящего от наших субъективных желаний, но в то же время имеющего развитую субъективную сферу. Этносу свойственны внутренние противоречия, являющиеся источником его саморазвития.

Вторая категория включает в себя общенаучные методы познания: индукции и дедукции, анализа и синтеза, описания и др. Тот факт, что функционирование и развитие этноса протекает по горизонтали и вертикали, в пространстве и времени, явился объективной основой применения исторического и логического методов; причем, исходя из особенностей поставленной проблемы, предпочтение отдавалось второму – логическому, который в содержательном аспекте позволяет раскрыть внутреннюю суть изучаемого явления.

Метод восхождения от конкретного к абстрактному позволил на основе совокупности целого ряда признаков раскрыть сущность этноса как такового и применить это понятие по отношению к древнейшим народам. С другой стороны, метод восхождения от абстрактного к конкретному помог идентифицировать древнейших росов как этнос. С помощью двух последних методов была построена модель «древнейшие росы», обладающая всеми сущностными признаками этноса.

В исследовании были использованы и общеисторические методы (третья категория). Например, историко-генетический метод позволил раскрыть свойства древнейших росов как этноса, охарактеризовать их религию и мифологию, показать причинно-следственные связи и некоторые закономерности в процессе их исторического развития. Этот метод применялся в сочетании с историко-сравнительным, который нашел применение, в частности, при сопоставлении росов и арьев (религия, обычаи, язык). Историко-типологический и историко-системный методы использовались при определении этноса, при построении модели «древнейшие росы».

Специфика целей и задач, поставленных перед настоящим исследованием, обусловила привлечение и конкретно-проблемных методов (методы четвертой категории): экстраполяции и аналогии, герменевтики и интерпретации источника, моделирования средствами логического структурирования, а также специальных методов, выработанных лингвистикой, семиотикой, вспомогательными историческими дисциплинами (палеографией, эпиграфикой, исто-

рической географией, ономастикой), которые позволяют воссоздать внешний облик древних росов, территорию расселения, их отличительные черты, нравы, обычаи, верования.

Каждый из обозначенных выше методов предполагает свою особую методику, свои приемы, логические операции. Например, методика сравнительного анализа, основанная на выявлении сходства и различия, проведения аналогий, применялась при изучении мифологии, материальной культуры, языка, при сравнении некоторых явлений далекого прошлого с последующим историческим опытом русского народа. В целом, при выработке тех или иных исследовательских приемов, операций и процедур автор руководствовался комплексным междисциплинарным подходом к историческому познанию, который отражает современный уровень развития науки.

Глава I

Обзор историографии и источников

§ 1. Состояние изученности проблемы

Проблема происхождения Руси и ее изначальной истории привлекала к себе внимание на протяжении многих веков. Русские летописцы вслед за автором «Повести временных лет» начало русского народа связывают с потомством библейского Иафета, одного из сыновей Ноя – родоначальников послепотопного человечества. Связь русской истории с библейской отмечалась и «Синописисом», который долгое время был учебной книгой по истории России и на протяжении XVII (с 1674 г.), XVIII и XIX вв. много раз издавался, а также распространялся в рукописных копиях. Таким образом, в отечественной исторической науке уже в период ее зарождения русский народ рассматривался как один из самых древнейших и имеющих изначально свое собственное имя.

Однако, начиная с петровских времен, русской историей, как и всей русской жизнью, стали все более и более овладевать иностранцы. В Академии Наук, открывшейся уже после смерти Петра I, главным историографом становится немец Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер, который, хотя и провел в России около десяти лет, не удосужился даже ознакомиться с русским языком. Впоследствии его осмеивали, например, за то, что слово *Москва* он производил от мужского монастыря, а *Псков* – от «псов»⁴. М.В. Ломоносов негодовал по поводу того, что Байер, следуя своей фантазии, имена русских князей «перевертывал весьма смешным и непозволенным образом для того, чтобы из них сделать имена скандинавские», в результате чего у него из Владимира по-лучился Валдамар, Валтмар и Валмар, из Ольги – Аллогия, из Всеволода – Визавалдур и т. д. «Сего не токмо принять за правду, но и читать без досады невозможно, видя сих имен явное от славенского языка происхождение и согласие с особами государскими, а особливо, что на скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования. Ежели сии Бейеровы перевертки признать можно за доказательства, – иронизировал Ломоносов, – то и сие подобным образом заключить можно, что имя *Байер* происходит от российского *бурлак*»⁵. Разумеется, вклад Байера в становление российской исторической науки неоспорим, но,

⁴ Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. С. 148–149.

⁵ Ломоносов М.В. [Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского»] // Полн.

тем не менее, при всей своей западноевропейской учености и эрудиции он был совершенным невеждой в области русских письменных источников.

В «Комментариях» Академии Наук были опубликованы на латинском языке статьи Байера в 1735 г. о варягах⁶ и в 1741 г. – о происхождении русского народа⁷, в которых автор указывает на скандинавское происхождение варягов и таких имен, как Рюрик и других, приведенных в летописи, что послужило основанием для так называемой норманнской теории, хорошо известной своим пренебрежительным отношением ко всему русскому и славянскому. Поставив перед собой задачу освободить историю от «баснословий», автор игнорировал не только русские легенды, но и практически вообще все славянские источники, хотя в то же время широко использовал скандинавские сказания. Позже некоторые статьи Байера с подробным комментарием опубликовал В.Н. Татищев в своей «Истории Российской»⁸. Он отмечал, что «Беер... историей русских и географии не был достаточно сведом и для того в некоторых рассуждениях легко погрешить мог», что «ему русского языка, следственно русской истории, недоставало», из-за чего он допускал «немалые погрешности», что в русскую историю он «нечто ненадлежащее внес и неисправно толковал» и что он «со избытком к умножению прусских, а к уничтожению русских древних владений пристрастным себя показал»⁹.

собр. соч.: в 10 тт. Т.6. М.-Л., 1952. С. 30–31.

⁶ *Bayer Th.-S. De Varagis // Commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae. Т. IV. Petropolis, 1735. P. 275–311.*

⁷ *Bayer Th.-S. Origines Russicae // Ibid. Т. VIII. 1741. P. 382–436.*

⁸ См.: *Татищев В.Н. История Российская: В 7 тт. Т. I. М.-Л., 1962. Главы 16, 17, 24, 32.*

⁹ Там же. С. 137, 225, 229.

Илл. 1. Киевский синописис 1674 г.

Преемником Байера стал другой немец – академик Герард Фридрих Миллер (русские его звали Федором Ивановичем). В 1749 г. Академия Наук поручила ему написать речь о происхождении имени и народа российского для торжественного заседания по случаю тезоименитства Елизаветы Петровны. Однако, когда эта речь («диссертация») была подготовлена, возникли сомнения по поводу ее «благонадежности», и текст был роздан членам Академии для оценки. Отзывы большей части академиков были неблагоприятны для Миллера. А в заключительном представлении, написанном адъюнктом и ассессором канцелярии Академии Г.Н. Тепловым, было сказано, что автор «во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может, а именно: как их (т. е. русских) многократно разбивали в сражениях, где грабежом, огнем и мечом опустошили, и у царей их сокровища грабили. А напоследок удивления достойно, с какой неосторожностью употребил экспрессию, что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю

Россию покорили»¹⁰. Следует отметить, что Миллер, собравший большое количество материалов по разным вопросам российской истории, оставил заметный след в российской историографии, но в вопросах, касающихся начала Руси, он практически популяризировал Байера с заметным усилением норманизма.

Следующий представитель немецких воззрений на русскую историю Август Людвиг Шлецер так же, как Байер и Миллер, считал, что цивилизацию, государственность да и само имя русскому народу дали норманны, начинается же русская история только со второй половины IX в., а до сей поры «все покрыто мраком как в России, так и в смежных с нею местах»¹¹ и что германцы «назначены были судьбою рассеять в обширном северо-западном мире первые семена просвещения»¹². Величайшее презрение к русским людям отразилось и в филологических «открытиях» Шлецера, согласно которым, например, слово **боярин** происходит от «баран» (или «дурак»), **дева** – от немецкого «Dieb» (вор), голландского «teet» (слово вульгарное, оставляем без перевода) или нижнесаксонского «Tiffe» (сука) и т. п. По этому поводу Ломоносов с гневом заметил: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколбродит в российских древностях такая допущенная в них скотина»¹³.

---

¹⁰ Пекарский П.П. История императорской Академии Наук в Петербурге. Т.1. СПб., 1870. С. 360.

¹¹ Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на Древле-Славенском языке / Пер. с нем. Ч.1. СПб., 1809. С. 419.

¹² Там же. Ч. 2. 1816. С. 178.

¹³ Пекарский П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 835–836.

Илл. 2. М.В. Ломоносов

Илл. 3. «Древняя Российская история» М.В. Ломоносова, изданная в 1766 г.

Начав свои изыскания по древней русской истории как бы по необходимости, в связи с рецензированием вышеупомянутой «диссертации» Миллера, Ломоносов вскоре очень глубоко изучил проблему и изложил ее в своих собственных исторических сочинениях¹⁴, в которых он продемонстрировал широкую эрудицию, бережное отношение к источнику, безупречную логику, умение обосновать не только свои утверждения, но и отрицания. Резко выступая против извращений норманистами русской истории, Ломоносов категорически заявлял, что «мне-

¹⁴ Ломоносов М.В. [Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года] // Полн. собр. соч.: в 10 тт./ М.В. Ломоносов. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 163–286; Ломоносов М.В. Краткий Российский летописец с родословием // Там же. С. 287–358.

ние... о происхождении россов от шведов, а имени их от чухонцев весьма неосновательно»¹⁵. Он вновь обращает внимание на имеющиеся в Библии упоминания о народе Рос и начало Российской истории рассматривает в одном ряду с историей древнейших народов мира.

Диссертация Миллера Академией Наук была отвергнута, и ее печатные экземпляры почти все были уничтожены. Однако норманнская теория пустила глубокие корни в исторической науке, ее восприняли западники, она пережила не только XVIII, но и XIX век. Среди российских ученых всегда было немало поборников норманнского происхождения русской государственности; эта теория оказалась закрепленной в науке такими видными историками, как Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, С.М. Соловьев. Замечательный русский историк М.О. Коялович в конце XIX в. с горечью писал: «Русская народная вода, нуждающаяся в иноземной окраске, протекла еще дальше, можно сказать, по всему пространству русского исторического движения; просочилась она в изыскания С.М. Соловьева, а за ним в изыскания других наших ученых. Просачивается она и в настоящее время...»¹⁶. Вполне понятно, что при таком положении дел изучение с научных позиций глубинных корней русского народа было невозможно. Прав был С.А. Гедеонов, который в предисловии к опубликованному им в 1876 г. капитальному труду «Варяги и Русь» заметил: «При догмате скандинавского начала Русского государства научная разработка древнейшей истории Руси немислима»¹⁷.

Тем не менее, в XIX в. в связи с общим подъемом русского самосознания усиливается и интерес российского общества к древнейшей истории росов. Это нашло отражение в исторических трудах тех же Н.М. Карамзина, М.П. Погодина и П.Г. Буткова; известным собирателем российских древностей и меценатом стал государственный канцлер граф Н.П. Румянцев. В 1854 г. доктор философии и магистр изящных наук Е.И. Классен опубликовал материалы, относящиеся к древнейшей истории славян и, в частности, русов, с приложением очерков по истории русов до Рождества Христова. По его мнению, «история древнейшей славянской Руси так богата фактами, что везде находятся ее следы, вплетшиеся в быт всех народов европейских, при строгом разборе которых Русь сама выдвинется вперед и покажет все разветвление этого величайшего в мире племени»¹⁸. Заметим, что российский дворянин Классен, хотя и был по происхождению немцем, получившим русское подданство в 1836 г., но Байера, Миллера, Шлецера и целую фалангу их последователей относил к «недобросовестным лицам», ставившим «себе в обязанность уничтожить все то, что относится до Славян, в особенности же до Руссов», покушавшимися «отнять у славяно-русов не только их славу, величие, могущество, богатство, промышленность, торговлю и все добрые качества сердца, но даже и племянное их имя – имя Руссов, известное исстари как славянское»¹⁹.

В том же XIX в., особенно после Отечественной войны 1812 г., усиливается интерес к изучению истории русского языка, наречий, географических названий, народных песен, поверий, преданий, обычаев и т. д. – словом, всего, что могло составить, по выражению М.П. Погодина, материал «для славянских сеней в русскую историю»²⁰. Особенно в этом преуспели так называемые славянофилы и их последователи: К.С. Аксаков, А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.Ф. Гильфердинг, В.И. Даль, П.В. Киреевский, П.Н. Рыбников, П.В. Шейн и другие, старания которых дали возможность читающей публике уяснить родство и единство общеславянской жизни, а также понять и объединить все главнейшие явления русской истории, выделить рус-

¹⁵ Ломоносов М.В. [Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского»] // Там же. С. 41.

¹⁶ Коялович М.О. Указ. соч. С. 26.

¹⁷ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование. СПб., 1876. С. III.

¹⁸ Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории русов до Рождества Христова. Вып. 1–3. Репринт. изд. СПб., 1995. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 8–9.

²⁰ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории: в 7 тт. М., 1846–1857. Т.1. С. 399.

ский народ как своеобразный и самобытный, связанный с общечеловеческим историческим движением. Но, к сожалению, ни один из авторов не сделал даже попытки обратиться к изначальной истории росов как таковых, ограничиваясь, в лучшем случае, констатацией их славянских корней.

В конце XIX – начале XX в. появляются научные исследования, способствующие развитию некоторых смежных с историей дисциплин и использованию последних в деле изучения проблемы происхождения русского народа. Это, прежде всего, труды А.А. Шахматова о летописании и об истории русского языка, В.Р. Розена о скандинавских, византийских и арабских источниках, А.А. Спицына о славяно-русской археологии и др. В дальнейшем, уже в советское время, значительных успехов достигают археология, этнография, антропология, каждая из которых внесла большой вклад в изучение славянских древностей.

В 30-х – начале 50-х гг. были опубликованы результаты исследований по восточнославянской археологии и этногеографии А.В. Арциховского, П.Н. Третьякова, Б.А. Рыбакова, П.П. Ефименко, Н.Н. Чернягина и др.²¹. Археологически были выделены и изучены вятичи, кривичи, радимичи, поляне, ильменские словене и другие племена. С середины 1950-х гг. начинается интенсивное исследование проблем славянского этногенеза и формирования восточнославянских племен, ученые обращаются к поискам истоков славянской культуры в широком круге древностей Восточной и Центральной Европы. В 60—70-х гг. широко развернулась работа по обобщению славяно-русских древностей. По инициативе академика Б.А. Рыбакова осуществляется издание «Свода археологических источников», выходят в свет десятки фундаментальных монографий, сотни статей по различным разделам славяно-русской археологии; вопрос о происхождении восточных славян и образовании древнерусской народности входит в число ведущих тем, определяющих направления исследований советских археологов-славистов. В результате проделанных исследований появляются новые концепции происхождения и расселения не только восточного славянства, но и праславян (в их числе концепции П.Н. Третьякова, И.И. Ляпушкина, В.В. Седова, Б.А. Рыбакова)²².

Разработка коренных вопросов славянской этнической антропологии в 20–40-е гг. неразрывно связана с именами Г.Ф. Дебеца, В.В. Бунака, Т.А. Трофимовой, Н.Н. Чебоксарова²³. В эти годы усиливается интерес к палеоантропологии, что было связано как с размахом археологических работ, так и с поставленной перед советскими учеными задачей создать на основе марксистско-ленинской методологии основные схемы исторического развития народов нашей страны, которые должны были отразить и проблемы этногенеза и этнических связей. В 1955 г. силами Института этнографии АН СССР и Антропологического научно-исследовательского института МГУ была организована Русская антропологическая экспедиция, результаты пятилетней работы которой были обобщены в коллективном труде «Происхождение и этническая история русского народа (по антропологическим данным)»²⁴. Исследования, проведенные комиссией, подтвердили, что в основе русских антропологических вариантов лежит один антропологический пласт, который восходит к эпохам неолита и мезолита (древний восточноевропейский тип) и входит в круг разновидностей европейской группы как особая раса. Большой вклад в дальнейшее изучение антропологического состава восточнославянских наро-

²¹ *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М., 1930; *Арциховский А.В.* В защиту летописей и курганов // Советская археология. 1937. Т. IV; *Третьяков П.Н.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Там же; *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М., 1953; *Рыбаков Б.А.* Древние русы // Советская археология. 1953. Т. XVII; *Рыбаков Б.А.* Поляне и северяне // Советская этнография. 1947. Вып. VI–VII и др.

²² *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.; *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII первая половина IX в.). Историко-археологические очерки // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1968. № 152; *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; *Рыбаков Б.А.* Исторические судьбы праславян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978.

²³ *Гадло А.В.* Антропология // Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979. С. 125–129.

²⁴ *Происхождение и этническая история русского народа (по антропологическим данным)* / Под ред. В.В. Бунака. М., 1965.

дов и проблемы их происхождения внесла Т.И. Алексеева²⁵. Крупнейшей работой по этнической антропологии населения европейской части СССР стала монография В.П. Алексеева²⁶, в которой был фактически исчерпан весь краниологический материал, накопленный за столетие антропологических и археологических исследований. Однако ее автор был вынужден заявить, что вопрос о происхождении собственно славянского типа он считает неразрешенным из-за отсутствия соответствующих материалов.

Немалый вклад в изучение проблемы происхождения восточных славян и их языков внесли советские лингвисты Ф.П. Филин²⁷, О.Н. Трубачев²⁸, Б.В. Горнунг²⁹, Г.А. Хабургаев³⁰ и др.

Опираясь на достижения смежных дисциплин, а также используя новые подходы к интерпретации уже известных источников, историческая наука в советское время достигла больших успехов в изучении славянского этногенеза. Однако на фоне исторических судеб прото- и праславян проблема древнейшей истории росов как бы нивелируется. Чаще всего эта проблема решается не как самостоятельная, а всплывает в том или ином аспекте в связи с некоторыми спорными вопросами образования Древнерусского государства.

Привлекая довольно широкий, но, в основном, один и тот же круг источников, отечественные и зарубежные историки обосновывают свои гипотезы начала Русской земли и Древнерусского государства, исходя, главным образом, из двух вариантов: северного (новгородского) и южного (киевского). Соответственно к этим двум вариантам тяготеют и существующие научные исследования древнейших корней росов.

Так, академик М.Н. Тихомиров, анализируя летописные известия, приходит к выводу, что «название «Русь» было древним для Киевской Руси и возникло значительно ранее X в.»³¹ Этот вывод ученый подтверждает и иностранными свидетельствами. В частности, он убедительно доказывает, что западноевропейские авторы знали о Руси уже в IX в., а сочинение Ибн-Хордадбе (арабский автор IX в.) «настолько красноречиво говорит в пользу славянского происхождения Руси, что не требует комментария»³². «Название «Русь», – подытоживает свое исследование Тихомиров, – древнее прозвище Киевской земли, страны полян, известное уже в первой половине IX в., задолго до завоевания Киева северными князьями»³³. На южном варианте происхождения Руси настаивал академик Б.Д. Греков, ссылаясь, в частности, на свидетельство Псевдо-Захарии, писавшего в 555 г. о жившем на северо-западе от Нижнего Дона народе Рус (Рос). Подвергая критике «излишне тонкие, но неверные филологические построения» В.А. Брима, который старался доказать, что слово «русь» происходит от скандинавского корня «drôtt», означавшего «дружина» (или, вернее, от «drôtsmenn» – «дружинники»), и гипотеза которого имела хождение в советской науке в 20-е и 30-е годы, Греков писал, что термин «русь» как название народа на юге и юго-востоке нашей страны вошел в употребление задолго до IX в. и без всякого участия варягов³⁴.

²⁵ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

²⁶ Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.

²⁷ Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962.

²⁸ Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины (Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация). М., 1968; Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 13–31 и др.

²⁹ Горнунг Б.В. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.

³⁰ Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.

³¹ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 37.

³² Там же. С. 42.

³³ Там же. С. 45.

³⁴ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 447–448.

Одной из наиболее авторитетных в советской исторической науке стала концепция академика Б.А. Рыбакова, согласно которой должно различать Русскую землю в узком смысле, представляющую собой союз лесостепных славянских племен VI–VII вв., и Русскую землю в широком смысле, охватившую все восточнославянские племена от Балтики до Черного моря и от бассейна Вислы до Волги. Между ними хронологически лежит промежуточный этап процесса превращения Руси из союза племен в суперсоюз и из суперсоюза в восточнославянское государство, в течение которого Русь поглощала другие славянские племенные союзы. Ядром Русской земли было Среднее Поднепровье от бассейна Роси до Тясмина на правом берегу Днепра и часть Левобережья с Переяславлем Русским и нижним течением Сулы, Псла и Воркслы. То есть первоначально это была небольшая территория (около 180 км по течению Днепра и 400 км в широтном направлении), которая располагалась на южном краю плодородной лесостепи, где еще во времена Геродота (V в. до н. э.) и несколько позже располагались земледельческие «царства» скелотов («скифов-пахарей»), являвшихся славянами или, точнее, праславянами. Во II–IV вв. н. э. эта область была сердцевиной славянской лесостепной части так называемой черняховской культуры. Племя росов, или русов было частью славянского массива в первые века нашей эры. Имя росов Рыбаков связывает с рекой Росью, правым притоком Среднего Днепра, а первым письменным свидетельством о росах считает рассказ Иордана (VI в.) о росомонах, враждовавших в IV в. с Германарихом готским. В VI–VII вв. в Среднем Поднепровье сложился мощный союз славянских племен, который иноземцы называли «Рос», или «Рус»; к середине X в. Русью стали называть как все восточнославянские земли, платившие дань Руси, так и наемные отряды варягов, принимавшие участие в делах Руси³⁵. Эту концепцию Рыбакова воспринял целый ряд советских историков³⁶, она вошла в вузовские и школьные учебники.

Мнение советских ученых М.Н. Тихомирова и Б.А. Рыбакова было принято и польским ученым Х. Ловмянским, считающим термин «русь» географическим понятием, которое первоначально было местным, среднеднепровским, а затем, с образованием Древнерусского государства приобрело общее значение. Книга Ловмянского появилась в 1957 г. в Варшаве и лишь значительно позже была опубликована в русском переводе в Москве³⁷. В целом, она была посвящена роли норманнов в становлении государственности на Руси. Не отрицая, что русский престол заняла династия скандинавского происхождения, автор в то же время не считает, что это обстоятельство предопределило образование Древнерусского государства. «Топонимика, – отмечает он, – не дает тех свидетельств, которые в ней хотели бы найти норманисты», но она может быть использована как источник, прежде всего отрицающий широкую скандинавскую колонизацию на русских землях³⁸. По мнению Ловмянского, ни сравнительно-исторические, ни ономастические, ни археологические источники не дают оснований говорить о завоевании Руси норманнами и создании ими русского государства.

Другим историкам подобная точка зрения кажется неубедительной. Например, Г.С. Лебедев, решительно опровергая идею первичности Южной Руси, отстаивает северный вариант. Отвергая как несостоятельные любые попытки возвести летописную Русь к росомонам или даже к реке Рось в Среднем Поднепровье, он связывает ее с северными, новгородскими землями, исходя, прежде всего, из данных топонимики: Руса, Поруса, Околорусье в южном Приильменье, Руса на Волхове, Русыня на Луге, Руська на Воложбе, Рускиеве в низовьях Свири (Приладожье). В вопросе происхождения названия «Русь» Лебедев примыкает к устаревшей

³⁵ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 85–90.

³⁶ См., например: Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 14–36.

³⁷ Ловмянский Х. Русь и норманны / Пер. с польск. М.Е. Бычковой. М., 1985.

³⁸ Там же. С. 103.

филологической точке зрения, связывавшей его этимологию с финским «Ruotsi» со значением «Швеция», считая, что тем же словом называли и русских³⁹.

В 70-е гг. вышла в свет книга ленинградского ученого В.В. Мавродина⁴⁰, которая долгое время оставалась единственным монографическим исследованием, специально посвященным происхождению русского народа. Автор привлекает широкий круг письменных источников, данные археологии и лингвистики, чтобы доказать самобытность и славянскую принадлежность русского народа и его имени. Однако, считая, что термин «народ» применим лишь к племенам, уже объединенным в рамках государства, Мавродин лишь в самых общих чертах характеризует этнические процессы, происходившие в Восточной Европе в древнейшую эпоху. Историко-этнические корни русского народа, история древнейших росов остались, к сожалению, за рамками его исследования.

Таким образом, в советской исторической науке вопрос о глубокой древности русского народа даже не ставился. Попытка продолжить традицию, заложенную Ломоносовым и опирающуюся на исторические знания древней Руси, была предпринята в 1940-е гг. за рубежом русским ученым-эмигрантом Г.В. Вернадским. Будучи глубоко убежденным, что «исторические корни русского народа уходят в глубокое прошлое», что процесс консолидации русских племен начался еще в скифский период⁴¹, он в то же время не смог освободиться от тенет норманнской теории. Очень подробно рассматривая, по его собственному выражению, «подоснову русской истории»⁴², Вернадский поначалу отстаивает южный вариант происхождения руси, но создает очень громоздкую гипотезу, в которой, на наш взгляд, сам запутался. Так, он пишет: «Несомненно, что анты были наиболее сильным из проторусских племен, и столь же несомненно, что они были тесно связаны с причерноморскими землями, как экономически, так и политически»⁴³. В другом месте он утверждает: «Поскольку (по нашему мнению) анты были славянами, организованными иранцами (аланами), правящий род антов должен был быть иранского происхождения»⁴⁴. Впоследствии в Азовском регионе основали свое государство скандинавы, «со временем они приняли название русов», и это государство «стало известно как Русский каганат»⁴⁵. Но поскольку, по мнению Вернадского, Рюрик, пришедший на Русь с севера, был тоже скандинавом, пришлось допустить «существование двух русей»: старой шведской руси Русского каганата и новой фрисландской руси Рюрика⁴⁶. Неслучайно советские историки назвали гипотезу Вернадского «новым изданием норманнской теории»⁴⁷.

Что касается западной исторической науки в целом, то в ней вопрос о древних корнях русского народа и не может рассматриваться уже в силу того, что западные историки, как правило, продолжают подходить к проблеме древнейшей истории Руси с позиций норманнской теории.

Пример тому – западногерманский профессор Г. Ротте, который в 1982 г. на международной конференции «Славянские культуры и мировой культурный прогресс» выступил с идеей о том, что славяне на протяжении всей своей истории имели в качестве «поводырей» сначала византийцев, потом скандинавов, хазар, а еще позднее – немцев; восточные славяне вышли на историческую арену поздно и без собственных культурных традиций; культура же Киевской Руси представляла собой простой симбиоз культурных элементов Византии, Хаза-

³⁹ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985.

⁴⁰ Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978.

⁴¹ Вернадский Г.В. Древняя Русь / Пер. с англ. Тверь, 1996. С. 20.

⁴² Там же. С. 286.

⁴³ Там же. С. 240.

⁴⁴ Там же. С. 174.

⁴⁵ Там же. С. 284.

⁴⁶ Там же. С. 343.

⁴⁷ Толстов С. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 115.

рии, Скандинавии, и ее дальнейшее развитие зависело от того, насколько русскому народу удавалось сохранить и развить те пласты европейских культур, которые он сделал своими собственными⁴⁸. Новые импульсы норманизм получил в работах западных историков Г. Арбмана, Э. Оксенстиерны, Т. Капелле, Г. Штокля и др. При помощи манипулирования археологическими и письменными источниками они вновь объявляют скандинавов-варягов одной из ведущих сил в создании Древнерусского государства⁴⁹.

Близкая по духу к норманнской теории, хотя и с несколько иным содержанием, – идея хазарского происхождения русов, настойчиво пропагандируемая за рубежом профессором Гарвардского университета О. Прицаком. В начале 70-х гг. он рекомендовал историкам «накопец освободиться от пристрастий автора ПВЛ [«Повести временных лет». – Ю.А.] и не идентифицировать Русь с полянами для середины X в., а вместе с тем проститься с концепцией славянского (полянско) происхождения Руси»⁵⁰. Впоследствии он и полян объявит тоже хазарами. Несостоятельность и нелепость этой версии хорошо аргументировал П.П. Толочко⁵¹.

Наряду со шведско-датским, иранским, хазарским вариантами происхождения русов имеются еще и египетский, и скифо-сарматский, и др. Американский ученый-востоковед А.А. Кур (Куренков, русский по происхождению), пытаясь воссоздать древнейшую историю русского народа, утверждает, что его этнические корни восходят к киммерийцам, с которыми с течением времени слились скифы, «к ним прибавились потомки Суроматов; проходящие мимо Кривичи, Северяне и другие оставили также свой след. Вот это все, – пишет Кур, – наше начало, наша Начальная История»⁵².

Подобные версии и их вариации появляются и в новейшей отечественной исторической литературе. Так, вновь до невероятных масштабов раздута роль «заморских скандинавов» и хазар на начальной стадии этнокультурной истории Руси В.Я. Петрухиным. «Варяги и хазары, – утверждает он, – целиком «реализовали» себя в ранней русской истории, приняв участие в этнокультурном синтезе, который привел к становлению Русского государства и культуры»⁵³. При этом автор под варягами однозначно подразумевает скандинавов, а начало этнокультурной истории Руси относит к IX–XI векам.

В то же время следует отметить, что в 80-е и особенно 90-е годы усилился интерес к предыстории русского народа, к его истокам, корням. В немалой степени этому способствует переворот, произошедший в эти десятилетия в ряде гуманитарных наук: археологии, сравнительном языкознании, сравнительной мифологии и др. Появилась новая наука семиология, предназначенная для изучения «жизни знаков в рамках жизни общества», в котором язык является лишь частью в более широкой совокупности семиологических систем⁵⁴. Была накоплена солидная теоретическая база наукой этнологией. «Новые факты, научные гипотезы, – отмечается в совместной монографии двух известных археологов В.А. Сафронова и Н.А. Николаевой, – совершенно меняют картину истории человечества, начиная от прародины человека до сложения государств и цивилизаций»⁵⁵. Сами указанные авторы в целом ряде научных статей и монографий проводят мысль о том, что «отсчет собственно индоевропейской истории

⁴⁸ *Ротте Г.* Основные этапы культурного процесса у славян в соотношении с развитием мировой культуры // Славянские культуры и мировой прогресс. Международная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Минск, 1982. С. 8–9.

⁴⁹ См.: *Толочко П.П.* Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии): Сб. научных трудов / АН УССР. Ин-т археологии. Киев, 1990. С. 100.

⁵⁰ *Прицак О.* LENZEN-IN Константина Порфирородного // Universitas Libera Ucrainensis. Facultas Philosophica. Studia. T. 7: Symbolae in honorem Georgii Y. Shevelov. München, 1971. P. 359.

⁵¹ *Толочко П.П.* Указ. соч. С. 104–108.

⁵² *Кур А.А.* Из истинной истории наших предков // Молодая гвардия. 1994. № 1. С. 318.

⁵³ *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск-М., 1995. С. 115.

⁵⁴ *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977. С. 54.

⁵⁵ *Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999. С. 10.

начинается с VIII тыс. до н. э.» и что «с этого времени начинаем свою праисторию и мы, славяне»⁵⁶.

Разработка целого ряда вопросов, связанных с древнейшей русской историей, принималась А.Г. Кузьминым⁵⁷. Признавая, что «тема начала славянства и Руси практически неисчерпаема, и знания наши в этой области все еще весьма ограничены»⁵⁸, он по-новому высвечивает некоторые стороны этой проблемы, заостряет внимание на некоторых важных, но нерешенных вопросах. Идеи, заложенные в работах Кузьмина, продолжают развивать его ученики. Так, в 2004 г. в Московском педагогическом государственном университете Я.Л. Радомским была защищена кандидатская диссертация, посвященная этнической истории Причерноморской Руси в период со второй половины V по X в.⁵⁹

В 1995 г. в Арзамасе вышло первое издание исторических очерков Е.В. Кузнецова «Этногенез восточных славян»⁶⁰, которые впоследствии дополнялись и переиздавались. Автор, прекрасный знаток источников, сосредоточил свое внимание на решении некоторых конкретно-исторических вопросов этногенеза восточного славянства в IV–IX вв. и предыстории Древнерусского государства.

Также следует отметить интересные и чрезвычайно важные наблюдения одного из самых авторитетных лингвистов нашего времени О.Н. Трубачева, изучавшего проблему Причерноморской (Приазовской) Руси, в которой он видел реликт индоарийских племен, населявших Северное Причерноморье во II тысячелетии до н. э. и отчасти позднее⁶¹.

То, что корни русского народа уходят в глубь тысячелетий, настойчиво утверждала и аргументированно доказывала в своих книгах и статьях хорошо известная как в нашей стране, так и за рубежом ученый-индонолог Н.Р. Гусева, которая выявила общие и сходные черты в языке и культуре древнейших предков славян (в том числе и русских) и предков древнеарийских племен⁶².

Древнейшей истории русов посвящены книги научного сотрудника Института славяноведения и балканистики РАН В.М. Гобарева, в которых он рассказывает о борьбе за независимость древних народов и племен Центральной и Восточной Европы во II–I тысячелетиях до н. э.⁶³. Однако предыстория Руси им фактически представлена военной историей праславян, а проблема происхождения русского народа, его историко-этнических корней в его книгах вообще не рассматривается. К тому же, автор не претендует на строгую научность и книги свои относит к произведениям историко-художественного жанра.

Важность проблемы и необходимость ее дальнейшего изучения нашли подтверждение в статьях, опубликованных в 2000 г. двумя ведущими историческими журналами: «Отечественная история» и «Вопросы истории». Автор первой из них, крупный историк, член-корреспон-

⁵⁶ Там же. С. 74.

⁵⁷ Кузьмин А.Г. Падение Перуна (Становление христианства на Руси). М., 1988; Кузьмин А.Г. Кто в Прибалтике «коренной»? М., 1993; Кузьмин А.Г. Руги и русы на Дунае // Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост., автор предисл., послесл. и коммент. А.Г. Кузьмин. М., 1998; Откуда есть пошла русская земля. Века VI–X: в 2-х кн. / Сост., автор предисл., введения к док-там и коммент. А.Г. Кузьмин. М., 1986; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Росский каганат и остров русов // Славяне и Русь.

⁵⁸ Кузьмин А.Г. Правильная постановка вопроса и есть его решение (закон диалектики) // Славяне и Русь. С. 430.

⁵⁹ Радомский Я.Л. Этнический состав Причерноморской Руси. Канд. дисс. М., 2004.

⁶⁰ Кузнецов Е.В. Этногенез восточных славян: Исторические очерки. Арзамас, 1995.

⁶¹ Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993; Он же. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997 и др.

⁶² Гусева Н.Р. Арьи, славяне: соседство или родство? // Древность: Арьи. Славяне. 2-е изд. М., 1996. С. 63–87; Гусева Н.Р. Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория. М., 1998 (2-е изд. 2007 г.); Кто они и откуда? Древнейшие связи славян и арьев / Отв. ред. и сост. Н.Р. Гусева. М., 1998.

⁶³ Гобарев В.М. Предыстория Руси: в 2-х ч. М., 1994; Гобарев В.М. Русь до Рождества Христова. М., 1996.

дент РАН Л.В. Милов⁶⁴ свою статью посвятил, казалось бы, частному вопросу, а именно – происхождению термина Ruzzi как аллографа этнонима «русь». Однако его наблюдения позволили сделать очень важный вывод, касающийся проблемы образования государства у восточных славян: «восточнославянская государственность, несомненно, зарождалась задолго до появления варяжских «находников»⁶⁵. Автор подтверждает факт раннего присутствия славян в Поднепровье, а под росами, которые, по свидетельству Константина Багрянородного, живут «в верховьях реки Днепр», под народом Rhos, упоминаемом Людовиком Благочестивым, и русьцами (Ruzzi «Баварского географа») следует понимать один и тот же народ.

В другой статье, написанной кандидатом исторических наук Г.И. Анохиным, излагается новая гипотеза происхождения государства на Руси и в большей мере речь идет о соотношении терминов «варяги» и «русы»⁶⁶. Но в ней косвенным образом также решается вопрос и об этнической принадлежности русов. Из статьи следует, что русы – это славяне, издревле проживавшие в районе Приильменя.

Повышенный интерес к проблеме происхождения русского народа, с одной стороны, и, с другой, ее недостаточная изученность академической наукой служат благодатной почвой для некоторых любителей сенсаций, дискредитирующих свои ученые степени и звания. Пример тому – книга двух петербургских докторов наук и академиков «многих академий» В.М. Кандыбы и П.М. Золина «Реальная история России»⁶⁷. Большое место в этой книге отведено происхождению и древнейшей истории русов, а главная идея заключается в том, что русская цивилизация – одна из древнейших и уникальных на всей планете. Однако авторам явно изменяет чувство меры и научного такта, и если в первой, чисто исторической части книги древние русы представлены «многообразием этносов: русы-словаки, русы-скиты (скифы), роксо-ланы» [так у авторов. – Ю.А.], то во второй части («Священная история русов») на ошарашенного читателя сваливаются «первые тонкотелые люди-орусы», которые «своей внешностью во время полетов напоминали летающих змей», а «спустя миллионы лет они сумели соединиться с появившимися в Ориане архантропами и превратились в плотнотелых людей, образовав Народ Русов», «и произошло это ровно 10 млн. лет тому назад»⁶⁸.

Итак, несмотря на обилие исторической литературы, в той или иной степени затрагивающей проблему происхождения и древнейшей истории русов, она по-прежнему остается весьма актуальной. Приходится констатировать, что время формирования русского народа в исторической науке практически совпадает со временем образования древнерусского государства, что соответствует сложившемуся в советские времена представлению о древнерусской народности. Имеется большое количество исследований, посвященных славянскому этногенезу, но древнейшие росы в них чаще всего вообще не фигурируют, а на определенном этапе славянской истории как бы всплывают на поверхность в виде восточных славян, и в дальнейшем восточнославянские племена начинают ассоциироваться с русским народом.

Практически во всех исследованиях, посвященных проблеме образования государства у восточных славян, в той или иной мере затрагивается вопрос об этнической принадлежности русов (русов) и о происхождении их названия. И если к настоящему времени большинство ученых принимают концепцию о том, что это были восточные славяне (поначалу одно племя с таким названием или же объединение восточнославянских племен, принявшее это имя позднее), то этимологический аспект этнонима до сих пор является предметом дискуссий. По этой

---

⁶⁴ Милов Л.В. RUZZI «Баварского географа» и так называемые «русичи» // Отечественная история. 2000. № 1. С. 94–101.

⁶⁵ Там же. С. 100.

⁶⁶ Анохин Г.И. Новая гипотеза происхождения государства на Руси. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 51–61.

⁶⁷ Кандыба В.М., Золин П.М. Реальная история России: традиции обороны и геополитики, истоки духовности. СПб., 1997.

⁶⁸ Там же. С. 3, 313, 314.

теме накоплена очень обширная литература, которая требует специального внимания и будет проанализирована при рассмотрении вопроса о происхождении названия русского народа.

Лишь в последнее время, благодаря достижениям теоретической этнологии, лингвистики, мифологии, археологии и других, смежных с историей дисциплин, появилась возможность заявить о том, что русский народ имеет свою предысторию, насчитывающую несколько тысяч лет. Назрела необходимость воссоздания этой предыстории – или, иначе, древнейшей истории русского народа, и начало этому уже положено как в работах некоторых отмеченных выше историков, так и автором настоящего исследования в ряде научных статей, двух монографиях, а также в докторской диссертации, защищенной в 2000 г.⁶⁹ Своеобразная, во многом интересная, но далеко не бесспорная концепция происхождения и древнейшей (фактически до середины V в.) истории русского народа нашла отражение в книге В.Г. Манягина⁷⁰. В числе многих вопросов, связанных с ранней историей русского народа, обсуждаются и некоторые вопросы его происхождения и догосударственной истории участниками Международной конференции «Начала Русского мира», ставшей уже традиционной и ежегодно проводимой в г. Санкт-Петербурге с последующим изданием докладов и выступлений.

---

⁶⁹ Акашев Ю.Д. Народ Рос в этнографической таблице Ветхого Завета // Вопросы отечественной истории. Межвузовский сб. науч. трудов / Отв. ред. А.В. Ушаков. М., 1996. С. 4—11; Акашев Ю.Д. «Варяги-русь» русских летописей: кто они? // Проблемы отечественной истории: Новые факты, подходы, решения / Гл. ред. Б.В. Леванов и В.А. Корнилов. М., 1999. С. 134—153; Акашев Ю.Д. Имя русского народа в свете данных компаративистики // Вопросы отечественной истории и историографии. Межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 2 / Отв. ред. И.В. Сучков. М., 1999. С. 4—8; Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа. М., 2000.; Акашев Ю.Д. Южные росы по сообщениям арабских и персидских средневековых источников // Проблемы отечественной истории. Сб. ст. Вып. 3 / Под ред. В.А. Корнилова и др. М., 2004. С. 33—11; Акашев Ю.Д. Имя твое рос (историко-этнические корни русского народа). М., 2006; Акашев Ю.Д. Отражение начальной русской истории в народной мифологии // Шатурская Мещера. Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Шатура, 2010. С. 17—33; Акашев Ю.Д. С чего начинается история русского народа? // Труды 1-й Международной конференции «Начала Русского мира», 28–30 октября 2010 г. СПб., 2011. С. 18–33 и др.

⁷⁰ Манягин В.Г. История русского народа от потопа до Рюрика. М., 2009.

§ 2. Характеристика источников

Для любого исторического исследования, как правило, наибольшую ценность представляют письменные источники. Но, естественно, когда речь идет о столь отдаленных, древнейших временах, их просто может и не быть или они могут быть в очень ограниченном количестве. Тем большую ценность для нас представляют священные книги древних народов, в которых нашла отражение народная память о своих предках, об их истории, верованиях, обычаях.

К таким бесценным памятникам относятся священная книга иудеев и христиан «Библия» (Ветхий Завет), мусульман – «Коран», древних арьев – «Ригведа» и «Авеста». Они сохранили для нас те самые «отпечатки» следов наших далеких предков, которые позволяют не только отодвинуть начало истории росов в глубь тысячелетий, но и получить определенную информацию об их расселении, контактах с другими древнейшими народами, религиозных верованиях.

Несмотря на то, что текст ветхозаветной Книги Бытия едва ли мог возникнуть раньше последней четверти II тысячелетия до н. э.⁷¹, в нем нашли отражение гораздо более древние предания. По мнению И.Ш. Шифмана, изучавшего историю формирования библейских текстов, «составитель Пятикнижия не мог, даже если бы и хотел, пойти на прямую фальсификацию предания, ибо во время составления памятника оно еще, несомненно, продолжало жить в устном народном творчестве. Такая операция не только не способствовала бы авторитету книги, но, наоборот, нанесла бы ей непоправимый урон»⁷².

Свои предания, сказки, мифы, верования, обряды, свои песни, своих древних богов уносили с собой племена древних арьев, уходившие тысячелетия назад из Восточной Европы на восток в поисках лучшей доли, чтобы обрести новую родину в Индии и Иране. И, как очень хорошо заметила С.В. Жарникова, изучающая следы глубокой древности в искусстве Русского Севера, «на новой для них земле, среди других народов они свято хранили память о своем прошлом, о своей прародине. Хранили свою и нашу память!»⁷³. И эта память нашла свое отражение, в частности, в «Ригведе» и «Авесте».

Более традиционными для историков, интересующихся древними народами, источниками являются сообщения античных авторов, а также историков и путешественников раннего средневековья. Очень важные свидетельства, относящиеся к истории этносов, содержат сочинения Геродота (V в. до н. э.), Плиния Старшего (I в. н. э.), Помпония Мелы (I в. н. э.), Тацита (вторая половина I – начало II в. н. э.), Птолемея (II в. н. э.), так называемая Певтингерова карта (первая половина I тысячелетия н. э.). Следует иметь в виду, что как древнегреческих, так и римских авторов росы, как таковые, не интересовали, однако определенная информация о них может быть обнаружена в сообщениях о других древних народах или их имя может оказаться скрыто под какими-то иными названиями.

Античные источники не называют своим именем не только росов, но и славян вообще. Впервые имя последних в форме *Sclaveni* встречается в источнике VI в., а именно в сочинении готского епископа Иордана «О происхождении и деяниях гетов» («Гетике»); здесь же содержатся очень ценные сведения об антах и росомонах. Важные сведения о славянах сообщают также Прокопий Кесарийский и другие византийские авторы VI в. К VI же веку относится сообщение сирийской хроники (Псевдо-Захарию) о народе *Hros* (хрос, рос, рус).

⁷¹ Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир. М., 1987. С. 90.

⁷² Там же. С. 112.

⁷³ Жарникова С. Древние тайны Русского Севера // Древность: Арьи. Славяне. С. 95.

О присутствии росов в Причерноморье задолго до «призвания варягов» свидетельствует целый ряд более поздних византийских источников (сочинения Константина Багрянородного, Льва Диакона и др.).

Илл. 4. Летописец Нестор. Гравюра из «Патерика» 1702 г.

Много важных сведений о русах содержат сочинения арабских и персидских средневековых авторов: Ибн-Русте, ИбнФадлана, ан-Надима, ас-Са'алиби, Захира ад-дин Мар'аши атТабари, аль-Ахталя, абу-л-Фиды и др. Как справедливо отметил А.Г. Кузьмин, восточные источ-

ники наиболее трудные для анализа, поскольку их авторы, зная Европу, главным образом, с трех точек (Волжской Булгарии, Северного Кавказа и Испании), очень часто, получая какие-то сведения в одном месте, переосмысливали их под влиянием информации, полученной в другом районе. Поэтому описания русов (росов) нередко носят расплывчатый, а иногда и фантастический характер⁷⁴.

Из средневековых западноевропейских авторов ценные сведения по нашей проблеме сообщают Адальберт – «продолжатель Регинона» (X в.), Гельмольд – автор «Славянской хроники» (XII в.), составители так называемой «Великопольской хроники», польский историк М. Стрыйковский (XVI в.), голландский картограф Г. Меркатор (XVI в.) и некоторые другие.

Замечательным источником по истории росов и других народов является русская летопись – «Повесть временных лет» (около 1112 г.). Обнаруживая исключительно широкий этнографический горизонт, Нестор оставил нам очень ценные сообщения и о народах древнего мира, и о современных ему народах. Летописцу достаточно хорошо известны неславянские народы Западной Европы (англы, греки, немцы, норманны, фряги и т. д.), народы балтийской группы (голядь, корсь, зимигола, летгола, литва, пруссы, ятвяги); весьма основательно он знаком со славянскими народами Запада и Юга и рассказывает о дунайских болгарях, ляхах, мазовшанах, моравях, норцах, поморянах, сербах, хорватах, чехах. И уж, конечно, Нестор отлично знает восточных славян, племена которых представлены им очень полно: бужане, волыняне, вятичи, древляне, дреговичи, дулебы, кривичи, лютичи, полочане, радимичи, северяне, словене, смоляне, тиверцы, уличи и др. Кроме того, будучи прекрасно осведомленным о ближайших северных, восточных и южных соседях Руси, он оставил нам сведения о народах финно-угорской и самодийской групп (печоре, веси, чуди, мере, муроме, мордве, черемисах и т. д.), о ряде тюркских народов (волжских болгарях, печенегах, половцах-куманах, торках, берендеях и др.), некоторых иных народах, обитавших в южных пределах Восточной Европы (хазарах, аварах, хвалисах, таврианах и др.). Знакомы ему некоторые кавказские народы (яссы, касоги), арабы (сарацины), евреи (жидове). М.О. Косвен, специально изучавший этнографию «Повести временных лет», в частности, отмечал: «В XII в., который в западноевропейской литературе того времени характеризуется расцветом этнографической фантастики, русская летопись сохраняет в общем подлинную жизненность и реализм своих этнографических сообщений»⁷⁵. Особо он подчеркнул глубокий реализм русской этнографии этого периода. Все это делает «Повесть временных лет» одним из важнейших источников для изучения происхождения русского народа.

Интересные и важные детали могут быть почерпнуты из Иоакимовской летописи, приписываемой первому новгородскому епископу Иоакиму, жившему в конце X – начале XI в. Сама летопись не сохранилась, но ее содержание довольно подробно передал В.Н. Татищев в четвертой главе «Истории Российской»⁷⁶. С тех пор летопись стала частью корпуса древнерусских источников, хотя у определенной части историков и вызывала большие сомнения в своей подлинности. И, как совершенно справедливо отметил современный петербургский историк А.А. Хлевов, исследовавший Иоакимовскую летопись на диссертационном уровне, по мере развития критики источников она все более и более завоевывала «право на объективность и в наши дни является полноправным свидетельством, более того, свидетельством весьма информированным и содержащим, вероятно, ключи ко многим загадкам ранней русской истории»⁷⁷.

⁷⁴ Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X. Кн. 2. С. 546–547.

⁷⁵ Косвен М.О. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII–XVII вв.) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 1 / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXX. М., 1956. С. 43.

⁷⁶ О истории Иоакима, епископа Новгородского [Иоакимовская летопись] // Татищев В.Н. Указ. соч. С. 107–119.

⁷⁷ Хлевов А.А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997. С.10.

Илл. 5. В.Н. Татищев

Кроме этих двух русских летописей, разумеется, необходимо использовать и другие, в том числе Троицкую, Густинскую, так называемую «Степенную книгу» и др.

Большую ценность представляют данные фольклористики и, прежде всего, славяно-русской мифологии.

В научной литературе, к сожалению, нередко встречается мнение об отсутствии у славян своей мифологии. Конечно, это не так. У нас нет систематизированной мифологии, как, например, у древних греков, у которых мифы утратили свою первозданность из-за «стараний» античных писателей и поэтов.

Славяно-русская мифология сохранилась практически в необработанном виде. Будучи отражением знаний, выработанных тысячелетиями, и связанных с яркой, неповторимой историей славянских народов, она нашла воплощение в народных сказках, поверьях, обрядах, загадках, вышивках, деревянной резьбе, во многих обычаях и традициях русского народа.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ

СЪ
САМЫХЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ВЪЗУСНОВАННН ТРУДАМИ

ЧЕРЕЗЪ ТРИЦАТЬ ЛѢТЪ

СОБРАННАЯ

И

ОБЪЯСНЕНАЯ

ВЪЗУСНОВАНЪ НА СЛОВАХЪ СКАЗАННЫХЪ И АСТРОЛОГИЧЕСКОМЪ ТУРФАНСКОМЪ,

ВАСКЪЕМЪ ИНОСТРАННОМЪ ТАТИЩЕВЪМЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. — 2.

Издана при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ 1768. года.

Илл. 6. «История Российская» В.Н. Татищева, изданная в 1768 г.

В качестве источника могут быть использованы русские народные сказки. Особую ценность среди них имеют так называемые «волшебные», поскольку именно они являются наиболее древними и сохранили в себе отпечатки древнейшей жизни наших предков. Замечательный русский этнограф, собиратель и исследователь фольклора А.Н. Афанасьев извлек из архива Русского Географического общества хранившиеся там сказки, собранные из самых разных мест и краев России, и издал их в 1855–1864 гг. в восьми выпусках. Как писал извест-

ный русский литературовед В.П. Аникин, в сборниках, издаваемых Афанасьевым, «заговорила огромная страна, протянувшаяся на тысячи верст с севера до юга и с запада до востока»⁷⁸.

Огромный интерес представляют практически еще не изученные южнорусские поверья, легенды и сказы, записанные в молодости, а частично восстановленные по памяти писателем и любителем русской старины Ю.П. Миролюбовым, опубликованные за рубежом в 70—80-е годы, уже после его смерти, и лишь совсем недавно ставшие доступными для российского читателя⁷⁹.

Интересные данные могут быть почерпнуты из «Голубиной книги», народных песен, заговоров, а также из русского орнамента, нашедшего воплощение в оформлении рукописных книг, народной вышивке, деревянной резьбе.

Очень важными, безусловно, являются данные археологии – науки, которая в последние десятилетия получила бурное развитие и внесла большой вклад в изучение славянского этногенеза. Однако следует помнить, что возможности археологии в этнической идентификации той или иной археологической культуры ограничены. Поэтому в данном случае большую ценность представляют данные языка. Ведь в основе объединения людей в этнические сообщества лежит, прежде всего, язык, поэтому, как писал В.В. Мавродин, «решать задачу поисков предков современных народов, в том числе и славянских, должно, прежде всего, языкознание, ибо, в конечном счете, проблема этнического развития современных народов есть в первую очередь проблема развития их языков, а не восстановление, по поколениям и коленам, их физических предков, ранних расовых типов»⁸⁰. Является общепризнанным, что факты языка, как и данные археологии – это основной источник изучения истории Руси дописьменного периода, то есть периода до появления Начальной русской летописи.

Также в качестве источников следует привлекать геральдические знаки древнерусских князей. Большую ценность представляет для нас надпись, выбитая на так называемом Пневищинском камне, с помощью которой возможно провести эксперимент, подтверждающий глубокую древность русского докириллического письма.

Использование весьма обширного и разнообразного корпуса источников в сочетании с надежными методами научного исследования позволяет внести ясность во многие весьма сложные и актуальные вопросы начальной истории русского народа.

⁷⁸ Аникин В. Александр Николаевич Афанасьев и его фольклорные сборники // Народные русские сказки. Из сборника А.Н. Афанасьева. М., 1982. С. 10.

⁷⁹ Миролюбов Ю.П. Сакральное Руси: соч. в 2-х тт. М., 1996–1997.

⁸⁰ Мавродин В.В. Древнейшие сведения о славянах (К вопросу о происхождении славян) // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. 1956. С. 27.

Глава II

Древнейшие росы как народ

§ 1. Понятия «народ» и «этнос» в применении к древнейшим росам

В исторической науке укоренилось неверное представление о русском народе как о сравнительно молодом, не имеющем своей истории древнего мира и раннего средневековья. И связано это во многом с неправильным толкованием самого понятия «народ». В самом деле, к какой стадии развития той или иной исторически сложившейся человеческой общности могут быть применимы термины «народ» или «этнос»? Насколько правомочно их употребление по отношению к древнейшим росам? И, вообще, когда росы стали «русским народом»? На этих вопросах необходимо остановиться немного подробнее, так как от ответов на них зависит решение принципиально важного вопроса о древности русского народа.

В советские времена становится довольно распространенным мнение о том, что понятие «народ» не может быть применимо не только к первобытной орде нижнего и среднего палеолита, но даже и к племени, и к союзу племен, возникающему на последней ступени первобытного общества⁸¹. Исходя из такой трактовки, известный советский историк В.В. Мавродин в монографии, посвященной происхождению русского народа, писал, что термин «русский народ» может употребляться только по отношению к «древнерусской народности, русской, или великорусской, народности, русской нации эпохи капитализма, социалистической русской нации», поскольку понятие «народ» применимо лишь «для обозначения этнических образований эпохи феодализма, капитализма и социалистического общества»⁸². То есть, по мнению ученого, это понятие не распространяется на этнические общности доклассового периода. Поэтому, говоря о начальном этапе истории русского народа, он имел в виду тот ее период, когда на смену «племенам», зафиксированным «Повестью временных лет», приходит «новая этническая общность», характерная для эпохи феодализма, то есть древнерусская народность времен Киевской Руси.

---

⁸¹ Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1974. С. 43.

⁸² Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 6.

Однако подобная трактовка понятия «народ», несомненно, устарела. Современное понимание этноса позволяет не только на теоретическом, но и на научно-практическом уровне начинать историю русского народа не с периода становления государственности, а с его историко-этнических корней, уходящих в глубины общеиндоевропейской эпохи. Для этого, прежде всего, необходимо разобраться, какой же смысл заложен в понятия «народ» и «этнос».

Научный термин «этнос» был заимствован из греческого языка, в котором он, хотя и многозначен (*ἔθνος* – народ, племя, толпа, группа людей, иноземное племя, язычники, стадо, рой и др.), но всегда указывает на совокупность существ, имеющих некие общие свойства: обычаи, повадки, внешний вид и т. д. На ранней, архаической стадии в употреблении этого слова преобладает значение «стая», «рой», «группа», но имеет место также значение «племя», «народ», которое в классическое время становится доминирующим. В более позднее античное время термин часто употребляется для обозначения негреческого племени. В научной литературе для наименования объекта этнографических исследований долгое время пользовались или общим, почерпнутым из обыденного языка понятием «народ» (соответственно в немецком языке – *Volk*, в английском – *people* и т. д.), или дифференцированными в стадийном отношении терминами «нация», «народность», «племя».

Введение в международный научный обиход термина «этнос» для обозначения всей совокупности подобных общностей людей происходит в 20–30-е годы XX столетия и связано с именем русского ученого С.М. Широкогорова, труды которого получили международную известность⁸³. Это греческое слово позволило избежать многозначности, характерной для обыденных наименований в большинстве европейских языков (например, слово «народ» в русском языке довольно часто теряет этнический смысл, означая просто группу людей или «трудящиеся массы», иногда – «простолюдинов»; то же можно сказать о немецком слове «*Volk*» или английском «*people*»). Однако со временем, как справедливо отметил доктор философских наук С.Е. Рыбаков, «термин «этнос» стал чрезвычайно популярен среди политиков и даже на обыденном уровне, в то время как в научном сообществе не только нет единства по поводу смысла данного понятия, но порой даже возникают сомнения в его состоятельности»⁸⁴.

Выделение этносов среди других человеческих объединений осложняется отсутствием четких критериев для их вычленения, разноречием во мнениях ученых по этому вопросу. Например, Л.Н. Гумилев под этносом (или народом) имел в виду «коллектив людей, который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности – подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего противопоставление «мы – они» и деление на «своих» и «чужих»⁸⁵. Адаптируясь к окружающей природе, к условиям ландшафта, в пределах которого ему придется жить, каждый такой коллектив изменяет свое поведение, усваивая какие-то специфические правила поведения (стереотипы), формируя свои особые традиции, которые, по мнению Гумилева, составляют основное отличие одного этноса от другого. Как видно, критерии, предложенные Гумилевым, весьма расплывчаты. В частности, они позволяют отнести к одному этносу людей разных национальностей, но проживающих в одной природно-климатической зоне и объединенных, например, борьбой с общим врагом.

Тот же Гумилев в ряде статей, посвященных теоретическим аспектам этнической проблематики, характеризовал этнос «как биологическую единицу, таксономически стоящую ниже вида, как *populatio*», замечая при этом, что таким образом «путем применения естественных

⁸³ Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923; *Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London, 1935* и др.

⁸⁴ Рыбаков С.Е. К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // *Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 3.*

⁸⁵ Гумилев Л.Н. *От Руси до России: очерки этнической истории. М., 1988. С. 9.*

наук отыскана дефиниция» этноса. Соответственно, по его мнению, «социальные и этнические процессы различны по своей природе»⁸⁶.

В целом же, в науке преобладает мнение, что этносы представляют собой одну из разновидностей социальных общностей, хотя среди ученых обнаруживаются некоторые различия как в определении основных свойств (признаков) этносов, значимости тех или иных из этих свойств, так и в типологизации самих этнических общностей. К основным признакам этнической общности, как правило, ученые относят этническое самосознание и самоназвание, язык, территорию, особенности психического склада, культуры и быта, определенную форму социально-территориальной организации или стремление к созданию такой организации. Отмечается также значение для этносов культурной специфики, общности происхождения их членов, эндогамии и некоторых других признаков⁸⁷.

Разработке принципов выделения критериев этнических признаков много внимания уделил Ю.В. Бромлей, который относит к таковым прежде всего устойчивые, дифференцирующие (то есть отличающие один этнос от другого) свойства. По его мнению, антропологические, расовые признаки могут играть роль определителя лишь при сопоставлении отдаленных этнических единиц, принадлежащих к разным расам. Для этнического размежевания более значимыми являются групповые особенности культуры в самом широком смысле этого слова, то есть «не только определенные результаты человеческой деятельности, но и сам ее способ, выраженный в действиях и поступках»⁸⁸. Именно в сфере трактуемой таким образом культуры обычно и сосредоточены, по мнению Бромлея, все основные отличительные особенности этнических единиц. При разграничении этносов-народов между собой особое значение имеют такие устойчивые и отчетливо выраженные компоненты культуры, как язык, религия, народное изобразительное искусство, устное творчество, обычаи, обряды, нормы поведения и т. п. Однако ни один из компонентов культуры не выступает непременно и универсальным этнодифференцирующим признаком. «Этнос, – писал Бромлей, – представляет собой не отдельный компонент культуры, а определенную культурную целостность, многие составляющие которой, как правило, в той или иной степени обнаруживают устойчивые отличительные черты»⁸⁹.

Отмечая особенности культуры в качестве основных, стабильных этнических свойств, необходимо, прежде всего, отметить коммуникативные функции культуры, обеспечивающие передачу этнокультурной информации через произведения материальной и духовной культуры и, главным образом, через речь (словесная информация).

Большинство ученых придерживаются мнения о том, что из всех компонентов культуры в широком смысле этого слова язык обладает наиболее отчетливо выраженными этническими функциями. Небезынтересно отметить, что во многих памятниках древнерусской письменности, включая и «Повесть временных лет», понятие «народ» обозначается словом «язык»: «А се суть инии языци, иже дань дают Руси»⁹⁰; «Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять с Самоядью на полунощных странах»⁹¹; «В то же время умножися языка Литовьскаго и начаша пакостити волости Олександровѣ»⁹². Известный специалист в области истории русского языка П.Я. Черных считает, что старшим значением слова «язык» на славянской почве было именно

⁸⁶ Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий Географического о-ва СССР. Вып. 3. Л., 1967. С. 21.

⁸⁷ Бромлей Ю.В. Теория этноса // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Отв. ред.: М.В. Крюков, И. Зельнов. М., 1988. С. 47.

⁸⁸ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 30.

⁸⁹ Там же. С. 31.

⁹⁰ Летопись по Лаврентьевскому списку. Повесть временных лет // Полн. собр. рус летописей. Т. 1. М., 1962. С. 11.

⁹¹ Там же. С. 235.

⁹² Повесть о жизни и храбрости благоверного и великого князя Александра // «Изборник» (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969. С. 336.

«речь», «то, что связывает людей, соединяет их в народ, в племя» и просто «народ», «племя»⁹³. Такое словоупотребление, очевидно, отражает то этнографическое представление, по которому язык считается главным признаком народа.

Это же значение языка имел в виду и один из выдающихся лингвистов А.А. Шахматов, когда писал, что «каждый представитель русского племени, будь то великорус, или белорус, или малорус (украинец), может назвать свой родной язык русским: он русский по его происхождению и в силу этого своего происхождения останется русским, каким бы изменениям не подвергался с течением времени»⁹⁴.

Под русским языком наука понимает совокупность тех наречий и говоров, которыми как в настоящее время, так и в предшествующие эпохи пользовались в качестве родного, материнского языка русские племена. Существует множество различных индивидуальных русских языков, которые сближаются по ряду сходных признаков, образуя говоры, или диалекты. В свою очередь, сходные между собою говоры образуют наречия, которые представляют собой обширные языковые группы, деления того великого целого, чем и является русский язык, заключающий в себе всю совокупность индивидуальных языков, связанных между собою сходством, зависящим, прежде всего, от единства происхождения. В настоящее время русский, белорусский и украинский языки рассматриваются уже как самостоятельные, входящие в более обширную группу языков. Но еще в начале XX века Шахматов считал их наречиями, отмечая, что все индивидуальные русские языки, исторически образующие единое целое, один русский язык, распадаются на три главных наречия: великорусское, белорусское и малорусское, каждое из которых, в свою очередь, распадается на ряд поднаречий и говоров. Так, поднаречиями малорусского наречия он называл «северное» (в Волынской, части Гродненской, Холмской и некоторых других губерниях), «южное» (на Украине и в Галиции), «угорское, или угро-русское» (в северовосточной Венгрии) и т. д. Понятно, что в гораздо более давние, древнейшие времена не только эти восточнославянские, но и все вообще индивидуальные славянские языки представляли собой наречия, поднаречия и говоры единого целого – языка, общего для всех славян. Называть его можно по-разному (праславянским, протославянским и т. д.), но это был язык древнейших росов. История образования отдельных русских наречий, поднаречий и говоров напрямую связана с историей русского народа, его территориальным делением и колонизационным движением. А связь языковых делений с делениями территориальными неизбежно приводит нас к заключению о связи языковых делений с делениями племенными.

Однако следует иметь в виду, что этническая роль языка возрастает с переходом к эпохе классовых обществ, чему в немалой степени способствует появление письменности. В более раннюю же, первобытнообщинную эпоху язык, являясь важным фактором этнического сплочения племен, пока еще не играл роли важнейшего этнического разграничителя.

В этнологии принято мнение, согласно которому наибольшую, основную этническую нагрузку несет та часть культуры (в узком смысле слова), которую называют традиционно-бытовой культурой – в противоположность профессиональной культуре и неустойчивым, «нетрадиционным» компонентам бытовой культуры. В первобытном обществе, где производство и потребление неразрывно слиты, она охватывает все сферы жизни, но по мере технического и социального прогресса ее удельный вес уменьшается.

Этнические свойства культуры в узком значении этого слова, к сожалению, как правило, не столь четко выделяются обыденным сознанием, как этнические свойства языка. Культура этносов предполагает наличие локальных особенностей, которые более всего характерны для материальной культуры. Этим объясняются трудности, возникающие у археологов при опреде-

⁹³ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х тт. Т. 2. М., 1994. С. 468.

⁹⁴ Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1: Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916. С. 7.

лении этнической принадлежности той или иной археологической культуры. Шахматов совершенно справедливо указывал на то, что расселение русского народа и последующее обособление его отдельных частей, его «территориальное распадение» повело за собою самостоятельное развитие этих частей во всех областях и сферах, в том числе и в области материальной⁹⁵. Но, разумеется, вопрос о соответствии этноса и археологической культуры не снимается указанием на возможность локальных вариантов в материальной культуре, так как археологические памятники несут в себе информацию не только о материальной, но и о духовной культуре племен и народов, их оставивших.

Т.Д. Златковская считает, что в первобытную эпоху общность культуры (не только в узком, но и в широком смысле) была характерна для крупных этнических единиц, охватывающих несколько родственных племен⁹⁶. Однако эта общность не исключает локальных вариантов. Русские племена (или какие-то их части) в результате миграций зачастую оказывались в иной, непривычной для них природно-климатической среде. В силу этого они могли усваивать материальную культуру местных жителей, адаптированную к местным условиям. При отсутствии же устойчивых местных традиций (например, при освоении свободных территорий) они также могли внести существенные изменения в свою прежнюю материальную культуру, исходя из того, что им предлагала для выживания местная природа. В зависимости от климата, ландшафта, наличия того или иного строительного материала, особенностей почвы, близости или удаленности крупных рек и озер могли измениться способы строительства жилья, изготовления посуды, орудий труда, манера одеваться, методы обработки почвы, тип хозяйства и т. д. Но носители этой новой материальной культу

ры по-прежнему оставались росами, поскольку сохраняли русский язык и все то, что составляло в то время русскую культуру в широком смысле этого слова, сохраняли свое этническое самосознание и особенности психического склада.

Этническое самосознание – один из важнейших этнообразующих признаков. Основное его содержание составляют представления о стереотипах – характерных чертах своего этноса и как противоположность им – о чертах иных этносов. Оно присуще этносам первобытной эпохи в форме племенного сознания и включает в себя представление об общности происхождения, выражающейся в кровном родстве членов этноса. Для доклассовой и ранних классовых формаций характерно представление о родстве членов этноса, основанное на мифах и преданиях. Для подавляющего большинства этнических общностей эпохи первобытности родство соплеменников представляет собой реальность. Однако в классовых формациях реальное родство всех членов этноса вряд ли возможно. Поэтому оно не может рассматриваться как объективно существующая отличительная черта этносов всех социально-экономических формаций. Более правильно отражает объективную реальность представление о едином происхождении членов этноса, объясняемое не родством, а общностью исторических судеб. Усиление этнического самосознания, несмотря на ослабление этнических свойств культуры у современных народов, указывает на ту особую роль, которую играет в настоящее время представление об общности происхождения.

Современная наука утверждает, что этническим общностям всех формаций присуща общность психического склада, устойчивые особенности психики. В доклассовом обществе эти особенности характерны для союзов племен, в рабовладельческом и феодальном – для народностей, в более поздних обществах – для наций. Авторы этносоциологического исследования «Русские», давая основные социально-культурные характеристики современной русской нации в сравнении с другими национальностями бывшего СССР, определяя, какое место

---

⁹⁵ Там же. С. 9.

⁹⁶ Златковская Т.Д. Об этнических общностях и этнических процессах в доклассовой и раннеклассовой эпохах (О книге Ю.В. Бромлея «Этнос и этнография». М., 1973) // Вестник древней истории. 1974. № 2 (128). С. 186.

занимают русские в системе наций, как они «вписываются» в нее, отмечают, что, несмотря на этнические перемены, для русских в инациональной среде характерна слабая адаптация к культуре и языку национального большинства, в окружении которого они проживают, и устойчивость собственных национально-культурных и языковых установок⁹⁷. Авторы объясняют это явление специфическими условиями Советского Союза, но, думается, в этом гораздо большую роль играет устойчивость психического склада русского народа, которая позволяет ему сохранять свою самобытность даже в условиях иноязычного окружения.

Подтверждением сказанному служат слова, принадлежащие известному русскому философу И.А. Ильину, который, оказавшись в эмиграции, писал в 20-е годы прошлого столетия: «Россия не только «там», где-то в бескрайних просторах и непроглядных лесах; и не только «там», в душах ныне поработанного, но в грядущем свободного русского народа; но еще и «здесь», в нас самих, с нами всегда в живом и таинственном единении. Россия всюду, где хоть одна человеческая душа любовью и верою исповедует свою русскость»⁹⁸.

Эта особенность характерна для русских эмигрантов, проживающих в настоящее время компактными колониями в Австралии, Аргентине, она же позволяет опознать и «вычленить» также и древних росов, оказавшихся, например, в составе скифской державы или среди других народов. Без учета общности психики невозможно объяснить причины устойчивости общих черт того или иного этнического коллектива, а также понять, как осуществляется и чем обеспечивается межпоколенная (диахронная) и пространственная (синхронная) этнокультурная информация, передача этих черт.

Современный философско-антропологический подход к этничности показывает недостаточность только кровного родства для межпоколенной связи. С.Е. Рыбаков утверждает, что в генетике может быть заложена только расовость, этничность же к генам никак не сводится и что наряду с генетической наследственностью существует еще «сигнальная наследственность», которая представляет собой особый механизм усвоения потомством условных рефлексов⁹⁹. Впервые идею об определяющей роли этого механизма в передаче этнической информации из поколения в поколение выдвинул Л.Н. Гумилев, который представлял себе сущностные внутриэтнические связи в виде сплошного «этнического поля», охватывающего всю этнопопуляцию, в которое ребенок погружается сразу же после своего рождения, начиная с первого контакта с полем матери – только находясь в нем, он может стать членом этого этноса; это поле «мы воспринимаем как этническую близость, или, наоборот, чуждость»¹⁰⁰.

Такой подход выводит исследователей на проблему «этнического бессознательного», которое «в свернутом виде заключает в себе весь исторический опыт этноса, а передача этого опыта осуществляется путем сигнальной наследственности, когда ребенок в процессе своей социализации усваивает на бессознательном уровне от родителей и старших этническое «нечто»¹⁰¹.

Это «нечто» каким-то почти неуловимым образом содержится в русских поговорках, прибаутках, специфических жестах, оно пронизывает русские народные сказки, так любимые нами, без которых немислимо наше детство и которые незримо сопровождают нас всю жизнь. Замечательный русский писатель Н.С. Лесков устами героя своей знаменитой хроники «Соборяне» Савелия Туберозова говорит: «Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своею старою сказкой. Чудная вещь старая сказка! Горе тому, у кого ее не будет под старость! Для вас вот эти пруттики старушек [вязальные спицы. – Ю.А.] ударяют монотонно; но для меня с

⁹⁷ Русские: Этносоциологические очерки. С. 7.

⁹⁸ Ильин И.А. О России (1926–1933) // Молодая гвардия. 1997. № 11. С. 165.

⁹⁹ Рыбаков С.Е. Указ. соч. С. 7.

¹⁰⁰ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 231–234, 301–305.

¹⁰¹ Рыбаков С.Е. Указ. соч. С. 8.

них каплет сладких сказаний источник!...О, как бы я желал умереть в мире с моею старою сказкой»¹⁰².

Известный американский психиатр Станислав Гроф (эмигрант из Чехословакии) в опытах, проводимых в русле трансперсональной психологии, столкнулся с весьма интересным явлением регрессии памяти испытуемого в историческое время. Индивидуум входит в соприкосновение с информацией, относящейся к жизни его биологических предков. Иногда такие «трансперсональные переживания» связаны с недавней историей и непосредственными предками, а в крайней форме могут захватывать много поколений и даже века. Для нашего исследования очень важно то, что, согласно наблюдениям Грофа, содержание таких феноменов всегда соответствует расовому происхождению индивидуума и его культурно-историческим корням. «Так, еврей может переживать эпизоды родовой жизни в Израиле в библейские времена и установить глубокую связь со своим историческим, религиозным и культурным наследием. Личность скандинавского происхождения может оказаться свидетелем различных сцен из полных приключений исследований и завоеваний викингов с весьма живыми специфическими деталями относительно одежды, оружия, украшений и средств мореплавания. Афроамериканец вспоминает сцены из жизни своих африканских предков, включающие обычную деревенскую жизнь, также как и роскошные празднества и ритуалы; в другой раз он может оживить в памяти травматические события из ранней истории рабства». Эти переживания «сопровождаются убеждением субъекта в том, что он столкнулся с событиями, составляющими часть его собственной линии развития, как если бы он читал собственный генетический код»¹⁰³.

Ключевым моментом в феномене этничности С.Е. Рыбаков считает контакт сознания с бессознательным, осуществляемый при помощи языка символов, поскольку символы являются единственным способом контакта «с бездной бессознательного, в которой лежат корни этничности»¹⁰⁴. На символах, по его мнению, основаны обычаи, традиции и ритуалы, в которых зафиксированы все нормы поведения, из чего следует, что образ жизни, как и этнический стиль культуры, являются результатом «символического действия»¹⁰⁵. Внутриэтническую связь на бессознательном уровне обеспечивает через механизм сигнальной наследственности эндогамия (как известно, припервобытнообщинном строе племя обычно бывает эндогамно, а входящие в него роды – экзогамны); на уровне сознания такую связь осуществляет язык.

Исходя из вышесказанного, С.Е. Рыбаков дает следующее определение этноса: «Этнос – это общность людей на основе обеспеченного эндогамией и языком единства ценностных ориентаций, которое символически выражается в стиле культуры и образе жизни»¹⁰⁶. На наш взгляд, эти наблюдения и выводы современных ученых помогут не только более полно осветить теоретическую сторону проблемы этноса, но и более глубоко вникнуть в сущность славянской мифологии, проникнуть в святая святых «загадочной» русской души.

Для генезиса этноса также большое значение имеет единство территории его расселения, которое и дает возможность систематического общения, ведущего к появлению специфических черт в культуре. Значительное влияние на развитие этносов, особенно в эпоху первобытности, оказывает географическая среда. Однако на более поздних этапах истории человечества значимость последней постепенно убывает. Значение же экономических связей в развитии этнических процессов, наоборот, возрастает от эпохи первобытности, где они не играют существенной роли, к последующим эпохам. В то время как межплеменной обмен носил эпизодический характер, экономические связи уже в раннеклассовых обществах способствовали форми-

¹⁰² Лесков Н.С. Соборяне // Собр. соч.: в 5 тт. Т.1. М., 1981. С. 180.

¹⁰³ Гроф С. Области человеческого бессознательного: опыт исследований с помощью ЛСД / Пер. с англ. М., 1994. С. 159, 160.

¹⁰⁴ Рыбаков С.Е. Указ. соч. С. 8.

¹⁰⁵ Там же. С. 12.

¹⁰⁶ Там же. С. 13.

рованию народностей. Ярким примером этому является та роль, которую сыграл знаменитый торговый путь «из варяг в греки» в консолидации восточнославянских племен.

В книге «Этнос и этнография» Ю.В. Бромлей предлагает вполне обоснованное разделение понятия «этнос» на две различные этнические категории, что позволяет избежать излишних споров при решении некоторых очень важных этнологических проблем. Первая категория – это этнос в узком смысле слова («этникос»), ядро этнической общности, обладающее совокупностью основных стабильных этнических свойств. Для выявления этих свойств ученый применяет своеобразный и интересный метод. Он считает миграции как бы тем историческим экспериментом, который дает возможность выявить основные стабильные этнические свойства, каковыми, по его мнению, выступают особенности культуры (в том числе языка), психики, а также этническое самосознание. Однако здесь нельзя не согласиться с Т.Д. Златковской, которая считает, что степень устойчивости различных этнических признаков при миграциях зависит от очень многих условий, определяемых не только характером миграции, но и составом (социальным, возрастным и пр.) мигрирующих групп, и особенно средой, в которую эти мигрирующие группы попадают. При этом в одних случаях большую или меньшую устойчивость могут проявить одни признаки, в других – другие. В этом ряду признаков, возможно, следует упомянуть и антропологические признаки. Саму же идею изучения миграционных процессов и их воздействия на мигрировавшие группы для определения главных этнических черт как отдельных этносов, так и в общэтнографическом плане Златковская считает очень продуктивной¹⁰⁷.

В наиболее общей форме отдельные варианты миграций Бромлей сводит к двум основным видам. Одни из них составляют перемещения больших групп населения или даже целых народов. Таковыми, например, были миграции эпохи Великого переселения народов, в том числе и вторжения кочевников в европейскую степную зону, сопровождавшиеся оседанием в этой зоне протоболгар, венгров и некоторых других народов. В качестве ближайших последствий такого рода миграций для переселенцев можно отметить потерю ими своей традиционной природной среды и значительной части культурного ландшафта, который в те времена был еще слабо развит. К другому виду миграций относятся микромиграции, то есть переселения сравнительно небольшими группами, преимущественно отдельными семьями. Происходить они могут и в рамках массовых переселений, которые в таком случае представляют не единовременный акт, а сравнительно растянутый во времени процесс. Такого рода миграции в том или ином масштабе происходили на протяжении всей истории человечества, начиная от эпохи расширения первоначальной ойкумены¹⁰⁸; являются они весьма характерными и для всей истории русского народа, начиная с самых древнейших времен. Помимо перемены биосферы и культурного ландшафта, они зачастую влекли за собой существенное изменение материальной культуры, экономических связей, а нередко и значительные социальные перемены. Однако само по себе это не приводило к созданию новых этносов. Оторвавшись от русского материка, если можно так выразиться, оказавшись в совершенно иной природно-климатической и этнической среде, отдельные группы росов, тем не менее, как уже отмечалось, оставались теми же росами, сохраняя свои собственные ценностные ориентации. Отсюда напрашивается вывод о том, что некоторые факторы, имевшие большое значение в качестве условий возникновения тех или иных этнических систем, в дальнейшем продолжают играть роль лишь побочных условий. В то же время, это позволяет выявить основные, специфические свойства этноса, отличающие его от других.

Каждый этникос тесно связан со своей средой, которую составляют как социальные, так и природные факторы, выступающие в качестве неперенных условий его возникновения. При

¹⁰⁷ Златковская Т.Д. Указ. соч. С. 185.

¹⁰⁸ Хлопин И.Н. Сегментация в истории первобытного общества // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 99—100.

этом этнос и среда в силу своей тесной взаимосвязи представляют по существу своеобразное целостное образование, в котором отчетливо выделяются две основные сферы: «внутренняя», составляющая всю совокупность сопряженных с этносом «неэтнических» общественных явлений, и «внешняя» (окружающая природа). Благодаря синтезу этникоса и социальной среды возникает, согласно терминологии Бромлея, «этносоциальный организм» (сокращенно – «эсо»), или «этнопотестарный организм», то есть этнос в более широком смысле слова, вторая этническая категория. Характер сочетаний собственно этнических свойств с социальными в известной мере зависит от пространственных параметров этноса. Поскольку для этноса не обязательно территориальное единство, пространственное размещение носителей этнических свойств имеет не только компактную, но и дисперсную форму. Вместе с тем, почти в каждом компактном этническом образовании обычно присутствуют большие или меньшие иноэтнические вкрапления. Имеются случаи смешанных гомогенно-гетерогенных этнических образований, когда в пределах одной территориальной единицы попеременно одновременно проживают представители двух или нескольких этносов. Как правило, в подобных случаях одни из таких представителей образуют сравнительно компактные ареалы, другие находятся в дисперсном состоянии.

Наряду с этнической общностью эсо обычно обладают территориальной, экономической, социальной и политической общностью, однако их основными компонентами являются, с одной стороны, этнические и, с другой стороны, социальноэкономические факторы. Поэтому в отличие от этникоса, который более инертен по отношению к социально-экономическим формациям, этносоциальный организм в зависимости от принадлежности к той или иной формации приобретает специфические черты. То есть взаимопроникновение и пересечение этникоса с этносоциальным организмом имеет историко-стадиальный аспект. Кроме того, следует учитывать еще и пространственный ракурс, проявляющийся в том, что весьма часто наблюдается пространственное несовпадение этникоса и эсо, представляющего собой государственно-политическое образование. В связи с этим выделяются три разновидности этносоциального организма.

Первую из них представляет такое совпадение этникоса и социального организма, при котором за пределами их общей территории первый существует или в гетерогенном виде, или в виде небольших гомогенных групп, не обладающих сколько-нибудь полной общественно-экономической самостоятельностью. Вторая разновидность предполагает вычленение из одного этникоса нескольких этносоциальных организмов. И к третьей относятся случаи, когда в рамках одной социально-политической общности одновременно имеется несколько компактных и относительно самостоятельных этникосов.

Подобные пространственные несовпадения этникоса и социального организма могут относиться не только к классовым обществам, но в значительной мере и к доклассовым. Во всяком случае, каждая из трех разновидностей эсо может быть проиллюстрирована примерами из истории древнейших росов. Так, Геродот, описывая Скифию, говорит, что к западу от скифов-кочевников живут скифы-георгои (земледельцы), которых греки называли борисфенитами¹⁰⁹ по названию реки Борисфен, под которым тогда был известен Днепр. Рассказывая о земледельческом празднике священного плуга и ярма, он приводит и самоназвание днепровских земледельцев «сколоты» – по имени мифического древнего царя Колаксия (по толкованию лингвистов: «Солнце-царя»)¹¹⁰. Но это была часть росов, вошедших в державу скифов и в течение долгого времени продолжавших существовать среди них в гетерогенном виде. С другой стороны, судя по многочисленной русской топонимике, а также по некоторым отголоскам, сохранившимся в русском фольклоре, некоторая часть росов, оторванная от основной массы

¹⁰⁹ Геродот. История в девяти книгах / Пер. с греч. Т.1. М., 1888. С. 312.

¹¹⁰ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. С. 19.

соплеменников, проживала в скифо-сарматской или в финно-угорской среде в виде гомогенных групп. Вторая разновидность эсо может быть представлена в разные времена росами Русского каганата или «островными» росами – руянами, проживавшими на о. Рюген. Примером третьей разновидности может служить социально-политическая общность словен, кривичей, чуди, мери и веси, известная по источникам под названием Славии.

Этничосы и этносоциальные организмы как этнические категории характерны для различных периодов истории человечества. Как уже отмечалось, Бромлей основным этническим подразделением первобытности считает племя. Возражая тем исследователям, которые видят в племени только социальнопотестарную общность и подчеркивают лишь одну из сторон его функционирования – функцию власти, он отмечает, что племя характеризуется также и собственно этническими чертами (общим диалектом, религиозными представлениями, обрядами, собственным именем). Племя является, следовательно, этносоциальным образованием. На ранней стадии развития первобытного общества потестарные функции племени еще слабо выражены и превалируют черты, характерные для этнических общностей в узком смысле слова (племя-этникос). На поздней стадии первобытности, когда племя-этникос превращается в племя-эсо, роль этничоса начинает играть «соплеменность», то есть совокупность всех членов племени, где бы они ни находились: в пределах или же за пределами территории племени¹¹¹.

Правда, у некоторых исследователей вызывает сомнение определение племени в качестве основного этнического подразделения первобытной эпохи. Если принять единственно возможный для определения этой единицы путь, выдвинутый самим автором, то есть искать то ядро, в котором были наиболее четко выражены основные этнические признаки – язык, культура, психический склад, самосознание, то оказывается, что племя мало подходит для роли основной этнической единицы первобытности. Оно не обладало языком, который бы мог служить этнодифференцирующим признаком. К этому раннему этапу истории человечества относятся существование и функционирование крупнейших лингвистических общностей и семей языков, распадение которых на отдельные языки было результатом чрезвычайно длительного процесса. Именно для этой эпохи характерно также существование и крупных археологических культур, причем ареал распространения их не совпадает с распространением племенной общности: известно, что ранние археологические материалы от эпохи палеолита до культур эпохи бронзы (и даже раннего железа) указывают на существование очень крупных культурных общностей, которые невозможно считать культурой одного племени. Нельзя полностью отклонять и предположения о возможности существования этнического самосознания у носителей этих широких культурных общностей. Отсутствует у отдельного племени такой существенный признак, как особенности психики, прослеживаемый лишь на уровне семей племен. Единое название для крупных племенных объединений, бесчисленные примеры которых дает нам античная историография, было, безусловно, отражением их языковой и культурной общности. Таким образом, создается впечатление, что основными этнодифференцирующими признаками в период «классической» первобытности племя не обладало. Если это так, то племя-эсо не было, однако, этничосом. Его роль играла более широкая этническая общность, о которой мы можем судить по лингвистическим и археологическим материалам первобытной эпохи¹¹².

Консолидационные процессы в раннеклассовых обществах способствовали формированию новых этничосов. Эти процессы были сложны и противоречивы. Консолидация шла на нескольких уровнях. Так, с одной стороны, шел процесс формирования народностей на основе племенных общностей, объединенных в небольшие политические организмы; с другой же, – протекал процесс формирования обширных народностей, включавших несколько племенных общностей (как родственных, так подчас и неродственных).

---

¹¹¹ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. С. 127–132.

¹¹² Златковская Т.Д. Указ. соч. С. 188.

В античную эпоху (в отличие от феодальной) формированию более крупных народностей предшествует формирование более мелких, то есть процесс этнической консолидации идет от низших уровней народностей к высшим. Существенно и отличие эо первобытной эпохи (племен) от эо первых классовых общностей (народностей). Помимо существенных и очевидных различий в социальной структуре этих подразделений, они отличны и в этническом отношении: у народности менее ярко выражено культурное единообразие, чем у племени, но так как народность, как правило, более крупное территориальное объединение, то в пространственном отношении ее культурная однородность больше, чем у племени. Однако, тем не менее, и в первом, и во втором случаях эо (этносоциальные организмы) являются этносами, то есть народами.

Говоря о специфических чертах доклассовой и раннеклассовых формаций, следует различать, во-первых, этнические процессы в широком смысле слова, при которых происходит изменение отдельных компонентов этнической системы, имеющее эволюционный характер (этноэволюционные процессы), и, во-вторых, этнические процессы в узком смысле слова, предполагающие скачкообразный переход этноса в новое состояние (этнодискретные процессы). Те из этноэволюционных изменений, которые ведут к этническому разделению народов, чаще всего были вызваны истощением естественных ресурсов племенной территории и необходимостью разделения и расселения племен, а также вытеснением коренных обитателей с их территорий в случае захвата последних чужеземцами. Это приводило к массовым миграциям (характерным как для доклассовых обществ, так и для докапиталистических классовых формаций) и способствовало возникновению многих народов мира, в том числе и разделению славян на целый ряд самостоятельных этносов: «Ут техъ Словѣнь, – пишет летописец, – разошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ»¹¹³. Со времени разложения первобытного общества доминирующими, однако, становятся процессы этнического объединения. Эти две противоположные тенденции часто сочетались, происходя на различных уровнях этнических общностей. Так, например, при формировании народностей, с одной стороны, идет объединение племен, с другой – еще долго продолжается внутреннее развитие этих племен с тенденцией к их сохранению.

Когда же начинается формирование этносов? Такой авторитетный ученый, как Б.Ф. Поршнев, начальные моменты образования этносов связывает с началом истории человечества, когда «земля начала покрываться антропосферой: соприкасающимися друг с другом, но разделенными друг от друга первобытными образованиями», когда «земной шар перестал быть открытым для неограниченных перемещений» и «его поверхность стала уже не только физической или биогеографической картой, но картой этногеографической»¹¹⁴. Эти «первобытные образования» были всегда эндогамны. «Этнос или другой тип объединения людей, – как утверждает Поршнев, – служит препятствием... для брачно-половых связей с чужими», вырабатывая для этого строгие нормы или обычаи. Сначала для неантропов такими чужими были палеоантропы, потом же эта «биологическая инерция предшествовавшей дивергенции неантропов с палеоантропами», главным механизмом которой было «избегание скрещивания», в несколько трансформированном виде воспроизвелась уже внутри мира неантропов. Являясь наследием дивергенции, получившей совершенно новую функцию, именно эндогамия разделила мир неантропов на взаимно обособленные ячейки, сделала его «сетью этносов»¹¹⁵.

К этому же времени следует отнести и зарождение этнического самосознания, которое поначалу проявлялось в новых, социальных оппозициях, пришедших на смену оппозициям биологическим. До эпохи верхнего палеолита не было еще достаточной плотности популяции,

¹¹³ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 5–6.

¹¹⁴ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 379.

¹¹⁵ Там же.

чтобы возникло постоянное взаимное «трение» человеческих групп и межгрупповая оппозиция, а с верхнего палеолита это условие уже налицо. Эту мысль хорошо развил известный ученый-лингвист В.И. Абаев, который предложил начинать историю человечества «не с появления первого каменного орудия или первого глиняного горшка, а с того времени, когда сношения между человеческими группами... их трение друг об друга стало регулярным явлением и наложило определенный отпечаток на жизнь первобытных людей»¹¹⁶. Отношение людей к внешнему миру существует, по его утверждению, только через их отношение друг к другу. С этим связано появление понятий «мы», «наше» – в противоположность к «не-мы», «не-наше», которые были первыми социальными понятиями и в которых познавательный момент был нераздельно слит с оценочно-эмоциональным: «наше» означало «хорошее», «не-наше» – «дурное». «Все двоилось в сознании первых человеческих коллективов, все делилось на «наше» и «не-наше»», – констатирует Абаев¹¹⁷. Ссылаясь на Карла фон Штейнера, ученый приводит в пример бразильское племя бакаири, которое делит всех людей на две категории: кура и курапа. Кура означает «мы все», «наши», а также «хорошие, наши люди»; курапа – «не мы», «не наши», «плохие», «скупые», «больные». Бакаири считают, что все беды исходят от чужих¹¹⁸. Таким образом, противопоставление «мы» и «не-мы» было первой социальной классификацией и началом этнического самосознания. «Работа сознания начиналась с осознания своего коллектива в его противопоставлении другим коллективам и в дальнейшем отражала все модификации и перипетии этих отношений»¹¹⁹.

Каждый этнос, даже в период своего формирования из объединяющихся семейно-родовых групп, имел свое название. Чаще всего это было самоназвание, причем, обычно, как это будет показано ниже, племя называло себя на своем языке словом «люди», считая других (тех, кто «не-мы») как бы нелюдями – отсюда и запрет на брачно-половые связи с ними, как во времена более отдаленные запрещались подобные связи неантропов с палеоантропами («дикими» людьми). Соседние племена, конечно, именовали их иначе, но эти имена от столь отдаленных эпох, за редкими исключениями (как, например, «чудь» – чужие, чужаки), не сохранились.

Здесь уместно привести мысль, высказанную ученым-антропологом В.П. Алексеевым: «Мне кажется убедительным соображение о том, что народом может называться какая-то общность людей лишь при наличии самосознания и общего имени»¹²⁰.

Что касается росов, то они уже в древнейшие времена имели свое самоназвание (подробнее этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе), что свидетельствует о достаточно раннем проявлении у них этнического самосознания. О том же свидетельствует и противопоставление ими Руси и росовросов как мира людей всему миру «ненаших», миру нечисти. Это, в частности, нашло отражение в так называемых волшебных русских народных сказках, которые по своему происхождению считаются древнейшими. Например, в сказке «Василиса Прекрасная» баба-яга, почуяв присутствие Василисы рядом со своею избушкой, кричит: «Фу, фу! Русским духом пахнет!»¹²¹. Примечательно, что не «человеческим», а именно «русским» – в зарождавшемся этническом сознании росов «русское» и «человеческое» были тождественны. «Русским духом пахнет» и от Сосны-богатыря, спустившегося в подземельное царство, чтобы сразиться с бабой-ягой, а после того, как он ее «до смерти убил, положил мертвую на огонь,

¹¹⁶ Там же. С. 242.

¹¹⁷ Там же. С. 239.

¹¹⁸ Там же. С. 240.

¹¹⁹ Там же. С. 241.

¹²⁰ Алексеев В.П. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 37.

¹²¹ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3-х т. Т. 1. М., 1984–1985. С. 129.

сжег и развеял пепел по ветру», огромная птица выносит его из подземного мира нечисти «на Русь», то есть к людям, к росам¹²².

«Семен, малый юныш», рассказывается в сказке «Скорый гонец», упал в море, и морской царь унес его «в самую глубину». «Жил он у того царя целый год, стало ему скучно, запечатлился он и горько заплакал. Пришел к нему морской царь: «Что, Семен, малый юныш, скучно тебе здесь?» – «Скучно, ваше величество!» – «Хочешь на русский свет?»¹²³.

В одном из вариантов сказки «Три царства – медное, серебряное и золотое» Ивашко Запечник, обманутый своими старшими братьями, оказывается в глубоком подземелье, откуда его также «на Русь» выносит орел¹²⁴. В другом варианте этой сказки злой Вихрь украл у царя его жену Настасью и унес ее на горы – «такие крутые, высокие, что и боже мой! верхушками в небо упирались». Здесь ее находит младший сын Иванцаревич. А Вихрь, прилетев, спрашивает у Настасьи: «Фу-фуфу! Что у тебя русским духом пахнет? Аль кто в гостях был?»¹²⁵. Древность этого сюжета косвенно подтверждается тем, что в руках у Вихря была боевая палица (не меч, как в более поздних сказках).

Противопоставление росов другим народам происходило уже в начальную эпоху образования индоевропейских языков, когда они стали отличать себя от чужаков, постепенно формируясь в огромный коллектив родственных племен, объединенных общностью языка, территории, обычаев и общим названием. Но оно настолько укоренилось в русском народном сознании, что сохраняется и во все последующие эпохи. Так, в довольно поздней сказке «Скрипач в аду» скрипач, идя на гулянку, вдруг провалился сквозь землю и угодил в ад, прямо в то место, где за свои грехи мучился богатый мужик. Тут набежала «целая изба ненаших», и спрашивают они у богатого мужика: «Что у тебя русским духом пахнет?». А он отвечает: «Этo вы по Руси ходили, русского духу набрались!»¹²⁶.

«Ненашими», «немцами» (от «не мы») в народе называли, конечно, не только нечистую силу, но и иностранцев, иноверцев и тех, чье поведение, нравственно-этические нормы и представления не ассоциировались с понятием «русский человек». Один из выдающихся русских мыслителей XIX в. Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» приводит интересный разговор с одним поморским промышленником: «Мне любопытно было узнать, как судили о холере поморы, которые по своей развитости далеко превосходят массу нашего крестьянства. Мой собеседник не скрыл от меня, что и у них большинство приписывало эту болезнь отравлению. Да кто же, спросил я, занимался, по их мнению, этим отравлением? – Господа. – Да ведь у вас и господ никаких нет, кроме чиновников; может ли статься, что служащие государю чиновники стали отравлять народ? – Конечно, отвечал он, но, по мнению наших дураков, государь об этом не знал, а господ подкупили немцы (под немцами понимались, как само собою разумеется, иностранцы или европейцы вообще). – Да немцам зачем же вас отравлять? – Как зачем? Известно, что немцы русского народа не любят»¹²⁷.

В челобитной грамоте 1646 г. русские купцы жалуются царю Алексею Михайловичу на англичан за то, что последние нарушают торговый договор и нормы международной торговли: «... русские товары они, английские немцы, у Архангельска продают на деньги голландским, брабантским и гамбургским немцам, весят у себя на дворе и возят на голландские, брабантские и гамбургские корабли тайно и твою, государеву, пошлину крадут»¹²⁸. И далее: «Да они

¹²² Там же. С. 162.

¹²³ Там же. Т. 2. С. 248.

¹²⁴ Там же. Т. 1. С. 180–188.

¹²⁵ Там же. С. 191.

¹²⁶ Там же. Т. 3. С. 83.

¹²⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 275–276.

¹²⁸ Челобитная русских купцов 1646 г. № 13 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук: в 4-х тт. Т. IV. СПб., 1836. С. 15.

же, немцы, привозят всякие товары хуже прежнего; да они же стали торговать не своими товарами; прежде английские немцы торговали чужими товарами тайно, а теперь начали торговать явно»¹²⁹. Торговать нечестно, нарушать договор и установленные нормы считалось «не по-нашему», «не по-русски». Так могли поступать только чужие, немцы.

Итак, проанализировав различные типы этносов и их характерные признаки, можно признать, что практически все они в той или иной мере могут быть применимы и к древнейшим росам. Что касается понятия «народ», то, исходя из всего вышесказанного, думается, было бы наиболее правильным принять толкование, данное ему академиком Л.В. Черепниным, который писал, что это слово – «как этническая и историческая категория» имеет значение более широкое, чем «народность» и «нация», «оно применяется к **различным стадиям** [выделено мною. – Ю.А.] исторически складывающейся общности людей»¹³⁰. Следовательно, будет вполне правильным употреблять его и по отношению к древнейшим росам, которые представляли собой этническую общность людей, находящуюся на стадии, исторически предшествующей народности. В равной степени это относится и к термину «этнос», поскольку, как отмечается в новейшей этнологической литературе, «значение, которое в итоге закрепилось за понятием «этнос»... в принципе вполне синонимично слову «народ»¹³¹.

---

¹²⁹ Там же. С. 18.

¹³⁰ Черепнин Л.В. Условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.-Л., 1958. С. 10.

¹³¹ Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М., 1997. С. 38.

§ 2. Происхождение названия русского народа

В проблеме происхождения русского народа одним из главных является вопрос о происхождении его имени. От решения этого вопроса зависит и ответ на некоторые другие важнейшие вопросы: о древности этого народа, о его этнической принадлежности, о его самосознании и понимании им своего места среди других народов. И решался этот вопрос в разные времена разными авторами совершенно по-разному – в зависимости от конъюнктуры, эрудиции автора, его убеждений и даже симпатий и антипатий.

Так, долгое время была очень популярна версия, согласно которой свое название русские получили от князя Руса. Впервые эта версия встречается в польских средневековых источниках. В XIII–XIV вв., когда Польша переживала трудный период своей истории, связанный с дроблением страны, германизацией населения, патриотически настроенным полякам было чрезвычайно важно обосновать идею этнической целостности, национального единства жителей страны, обладавшей единой культурно-исторической традицией. В этих условиях появляется «Великопольская хроника», пролог которой посвящен происхождению и расселению славян. В нем автор излагает легенду о братьях Лехе, Русе и Чехе, стремясь внушить читателю чувство общеславянского единства, наделить его сознанием происхождения из единого прародительского национального лона, принадлежности к одному роду: «Итак, от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами, и в настоящее время владеют и в будущем будут владеть, как долго это будет угодно божественной воле»¹³².

Если имя Лех, будучи уже известным в раннем средневековье, издавна служило эпонимом польского народа и если о прибытии в Богемию славянского племени под водительством «праотца Чеха» сообщается уже в начале XII в. в «Чешской хронике» Козьмы Пражского, то «создателем» третьего брата – Руса является автор «Великопольской хроники»¹³³. С тех пор мысль о получении русским народом своего имени от Руса прочно вошла в польские и чешские хроники и исторические трактаты. Например, в XVI в. М. Меховский в «Польской хронике» писал, что Рус «заселил обширнейшие территории России, и все русские в память о нем сохранили в своем наименовании это имя»¹³⁴.

Из западнославянской историографии эта версия с некоторыми вариациями (например, Рус иногда фигурировал как внук Леха, а не брат) перешла в исторические труды других европейских стран. Как писал А.В. Флоровский, легенда о трех братьях – родоначальниках славянских народов «была введена в научное обращение, причем книжники и «ученые» включали эту легенду в хронологическую систему древности, часто полемизируя друг с другом по вопросам хронологического приурочения и исторического истолкования содержащихся в легенде «фактов» о жизни Чеха, Леха и Руса в Иллирии и об их выселении и переселении в северные страны»¹³⁵. Специальные статьи, посвященные каждому из этих трех братьев, были включены в немецкий «Большой универсальный лексикон» Йоганна Хайнриха Цедлера (первая половина XVIII в.), в котором, в частности, говорилось: «Рус [Russus], склавонский принц и брат как Чеха, который положил начало Чешскому королевству, так и Леха, который основал Польское

¹³² Великопольская хроника // «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: (Перевод и комментарии) / Под ред. В.Л. Янина. М., 1987. С. 52.

¹³³ Попова Л.М., Щавелева Н.И. Предисловие // «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях... С. 24.

¹³⁴ Цит. по: Мыльшиков А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI начала XVII века. СПб., 1996. С. 154.

¹³⁵ Флоровский А.В. Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений // Sbornik prací 1 sjezdu slovaských filologů v Praze. 1929. Sv. 2. Praha, 1932. S. 52–53.

государство. Рус же в VI или VII веках заселил Московское государство, вследствие чего Россия и ее жители были по его имени названы русами»¹³⁶.

Петербургский ученый А.С. Мыльников, исследовавший эту легенду о трех славянских братьях, связывает ее появление с польско-литовскими спорами за территориальное и частично духовное наследие Киевской Руси, имевшими место в XIV в.¹³⁷. Борьба Польши и Литвы за Галицко-Волынскую Русь наметилась в середине 1320-х годов, достигнув апогея в 40-е годы и завершившись неустойчивым компромиссом в 1352 г., когда большая часть Галичины и западная часть Подолии отошли к Польше, а большая часть Волыни осталась за Литвой¹³⁸. Великое княжество Литовское расширяло свои пределы за счет русских юго-западных земель, входивших ранее в состав Киевской Руси, что приводило к неуклонному повышению удельного веса западнорусского элемента, составившего в середине XV в. не менее 40 % населения страны. Русский язык до конца XVII в. оставался государственным языком Великого княжества Литовского. Претензии Литвы на русские земли нашли отражение в титулатуре литовских правителей: «*Dux magnus Lithuanorum Russiaeque dominus et heres* (Великий князь Литовский и господин и наследник Русский)», «*Magnus dux Lithuaniae Russiaeque* (Великий князь Литвы и России)»¹³⁹. В свою очередь, Польша пыталась обосновать свои претензии в отношении наследия Киевской Руси, и идее литовской государственно-политической общности с Русью она противопоставляет идею этногенетической общности поляков и западнорусского населения. Это и обусловило появление в «Прологе» к «Великопольской хронике» Руса – еще одного брата Леха (помимо уже известного в то время Чеха), и в этой связи становится понятным, почему он в этом варианте легенды занял второе по старшинству место, расположившись сразу же после Леха. То есть образ Руса в этой хронике выступает как символ не только этногенетической общности славян, но и особых, близкородственных отношений между поляками и русскими, дающими право Польше претендовать на земли Киевской Руси.

От поляков легенда о Ляхе, Русе и Чехе проникла и в восточнославянскую среду. Однако, как пишет Мыльников, «воспитанные в традициях общего древнерусского летописания, великорусские, украинские и белорусские книжники воспринимали существование славянской общности как некую данность, не нуждающуюся в дополнительных доказательствах»¹⁴⁰. Что же касается вопросов о происхождении этнонимов отдельных восточнославянских племен и их общего названия Русь, то обращение к образам Леха и Чеха ответа на них не давало, а образ Руса представлялся сомнительным, тем более что он никак не вписывался в сообщения русских летописцев о славянах.

Так, например, в рукописном сборнике белорусского автора Игнация Иевлевича, относящегося к середине XVII в., с большой долей сомнения сообщается: «пишут, якобы Русские земли были названы и заселены Русом, внуком, либо, согласно мнению других, родным братом Леха и Чеха»¹⁴¹. В Густинской летописи и в киевском Синописе об этих братьях славянских вообще не упоминается. Зато весьма красноречивая запись имеется в «Обширном синописе руском» П. Кохановского: «Поведают некотории, яко бы Русь от Руса мели назватися, мовачи: иж три брати были, Рус, Чех и Лех, от Руса князя славенский народи, над которыми он пановал, русь назвались, от Чеха чехи и от Леха лехи. Але лепей наши летописцы поведают»¹⁴². То есть

¹³⁶ Zedler J.H. Großes vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste: 64 bd. Bd. 32. Leipzig – Halle, 1740. S. 1975: электронная версия. URL: <http://www.zedler-lexikon.de/> (дата обращения 27.10.2009).

¹³⁷ Мыльников А.С. Указ. соч. С. 250–251.

¹³⁸ Грушевський М.С. Історія України-Русі: в 11 тт. Т. 3. Київ, 1993. С. 195–198.

¹³⁹ Adamus J. O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń // Kwartalnik historyczny. 1930. № 3. S. 314, 318, 318.

¹⁴⁰ Мыльников А.С. Указ. соч. С. 185.

¹⁴¹ Там же. С. 182.

¹⁴² Там же. С. 185.

у украинского автора было гораздо более доверия к древнерусским летописям, нежели к тому, что «поведают некотории».

Что касается Москвы, то здесь в XVII в. более популярной была легенда о братьях Словене и Русе, которую КаменевичРвовский включил в свое «Историческое древнее описание и сказание». В ней рассказывается о том, как Словен и Рус, покинув своих соплеменников из колена Мосохова у Черного моря и на Дунае, отправились «с роды своими» в Скифию и после многолетних скитаний осели у озера, которое они назвали Ирмерем (Ильменем), и «создаша и град себе, нарекше Волховым, и нарекоша град той во имя князя своего Словена... Словенск Великий», а «вся Скифская страна и земля» по имени «сих князей своих новопришедших» стала называться «Словенороссийская земля»¹⁴³. Однако в России эта версия о происхождении имени русского народа от легендарного князя Руса уже в XVIII в. была отвергнута. В.Н. Татищев по этому поводу заметил: «Чехи и поляки вымыслили трех братьев: Чеха, Леха и Руса, наш новгородец князя Славена и других странных имян, которые басни от самих тех сложено легко обличаются»¹⁴⁴. Так же и по мнению М.В. Ломоносова, «имена Славена и Руса и других братьей» были вымышлены¹⁴⁵.

Можно по-разному трактовать причины появления легенды о Русе, но в любом случае она не решает проблему этимологии названия русского народа, поскольку в ней происходит лишь констатация, что имя народа происходит от имени его родоначальника, а что означает и к чему восходит имя последнего, из всего этого неясно.

В XVIII в. предпринимались попытки увязать название русского народа с переводом греческого слова «споры» (Σπόροι), которым византийский историк Прокопий Кесарийский называл славян: «Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами», как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища»¹⁴⁶. Так, Г.З. Байер, один из основоположников норманнской теории, писал о широкой славянской колонизации на европейском Севере, считая, что из-за своей «распыленности» («рассеивания») эти славяне и получили свое название «россы», или «руссы» – «рассеянные»¹⁴⁷. Такое толкование следует признать абсолютно безграмотным, поскольку, во-первых, в попытке установить семантическое родство между словами «рассеянные» и «росы» просматривается явная натяжка, обусловленная лишь некоторым созвучием, и, во-вторых, приставка (в данном случае «рас-») никогда не может составить основу этнонима.

Одним из результатов преобразований Петра I явилось, как уже отмечалось, засилье немцев в русской науке. Восторжествовал принцип – брать все иноземное, учиться всему у иноземцев и для этого призывать в Россию побольше иноземцев. И именно немцы утвердили в русской историографии один из самых нелепых, но в то же время один из самых живучих выводов о том, что скандинавы и варяги – один и тот же народ и именно от них русские получили свое название и царей¹⁴⁸. Этот вывод, несмотря на аргументированную критику со стороны Ломоносова, надолго укоренился в науке. Уже В.К. Тредиаковский, размышляя над тем, откуда произошли росы и в каком отношении к славянам они находятся, и, отвергая как несостоятельные мнения о происхождении имени русского народа от военного крика «Рази! Рази!», от слова «рассеяние» и некоторые другие, заключает: «Хотя все вы [рассмотренные предположения. – Ю.А.] в своем роде изрядны, но не настолько, сколько сие непоколебимое – от тех

¹⁴³ Там же. С. 221–222.

¹⁴⁴ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 129.

¹⁴⁵ Ломоносов М.В. Древняя Российская история. С. 189.

¹⁴⁶ Прокопий Кесарийский. История войн // Свод древнейших письменных известий о славянах: в 2-х тт. Т. I / Сост.: Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 185.

¹⁴⁷ Bayer Th.-S. Origines Russicae. P. 411.

¹⁴⁸

варягов-находников прозвашась Русь», то есть от скандинавов, поскольку Тредиаковский, как и Миллер, видел варягов только в скандинавах¹⁴⁹.

Цитирование строки «и от тех [то есть от Рюрика, Синеуса и Трувора. – Ю.А.] прозвася Руская земля» из «Повести временных лет» стало общим местом практически у всех сторонников так называемой скандинавской школы, хотя она, во-первых, совершенно не свидетельствует о скандинавском происхождении Руси и, во-вторых, вовсе не указывает на скандинавскую этимологию этнонима. Однако «норманнская установка» привела к созданию соответствующей этимологической версии, связывающей слово «Русь» с финским «Ruotsi», причем это последнее согласно указанной версии определяется как «германское заимствование в финский язык». Автором этой версии стал один из активных приверженцев норманнской теории А. Куник, считавший, что «Ruotsi» отражает древне-северное «gōper» (гребцы, община гребцов) и «Roslagen» (провинция в Восточной Швеции). Впоследствии он присоединился к идее А.С. Будиловича, находившего в слове «Русь» отголосок эпического названия готов – «Hrôthigutô». Прежнюю же идею Куника возродил и развил В. Томсен, который «Русь» также производил из финского «Ruotsi», а последнее – из древнеисландского «Róþsmen» или «Róþskarlar» (гребцы, мореходы), поясняя, что аналогичные случаи перенесения названия завоевателей на завоеванное население наблюдались и у франков (Франция), норманнов (Нормандия), новогреков (Ρωμιοί), лангобардов (Ломбардия), болгар¹⁵⁰. Аналогия явно неудачная, поскольку ни исландцы, ни шведы, ни финны не были завоевателями восточных славян.

Очень похоже объяснял происхождение этнонима «русь» в начале XX в. шведский ученый Р. Экблом, выводивший его из западноскандинавского корня ***roþ[r]s**-со значением «гребля», «рыбная ловля», «место причала». По его предположению, этот корень около 800 г. был заимствован в прибалтийско-финские языки в форме ***rôtsi**, что затем в восточнославянском языке дало форму «русь»¹⁵¹. Смысл этнонима, таким образом, разъясняется как обозначение гребцов, мореходов, что соответствует представлению об основных занятиях варягов, викингов.

Попытки разработать скандинавскую этимологию имени русского народа нашли поддержку у русского ученого-лингвиста А.А. Шахматова¹⁵², после чего уже мало кто позволял себе усомниться в научной безупречности этой идеи. Однако не правы те ученые, которые приписывают ему разработку фонетической стороны вопроса. Надо заметить, что Шахматов в вопросе о происхождении названия «Русь» не имел своего твердого мнения. Он приводит лишь как вероятные обе версии, предложенные Куником, а также версии Томсена, Будиловича и Брауна, но при этом заявляет: «Происхождение имени Руси, несмотря на настойчивые старания ученых, остается темным. С уверенностью можно сказать, что более первоначальной его формой было Ros...»¹⁵³, – вот и все, что он утверждал наверняка. К тому же, Шахматов не считал название «Русь» (и соответственно «русский») этническим, он, прежде всего, видел в нем термин политический. Сначала, по его мнению, так называли себя и свою страну жители Киевского Поднепровья, а по мере распространения киевского политического могущества термин «русский» охватывал все племена, объединявшиеся в Киевской державе Владимира и Ярослава¹⁵⁴.

В скандинавском происхождении слова «Русь» был убежден В.А. Брим. Именно этим обстоятельством он объясняет причины распространения географических названий, произ-

¹⁴⁹ Пекарский П.П. Указ. соч. Т. I. С. 247.

¹⁵⁰ Thomsen V. Der Ursprung des russischen Staates. Gotha, 1879. S. 101–102.

¹⁵¹ См.: Брим В.А. Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Исторические сборники / Под ред. А.И. Заозерского. Т. 1. Пб., 1923. С. 5–10.

¹⁵² Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. С. 67.

¹⁵³ Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 52.

¹⁵⁴ Шахматов А.А. Введение в курс русского языка. С. 10.

веденных от основы «рус», в Новгородской губернии – области, давно связанной с Варяжским (Балтийским) морем: Порусье, Порусья, Старая Руса, Новая Руса, Околорусье, Русье, Русские Новики, Русское Огородово, Русская Болотница, Русская Волжа, Русково, Русаново и т. д. Брим приводит очень громоздкое объяснение, как из древнешведского «drôt» (толпа, дружинники) и «drôtsmenn» (дружинники) образовалось финское «Ruotsi», эстонское «Rôts» и водское «Rôtsi», что в конечном итоге, якобы, дало «Русь», закрепившееся за варягами; под этим названием варяги пришли к берегам Днепра, и это имя «быстро и прочно пустило корень среди славян и византийцев, истолковавших, может быть, имя «Русь» как «русый» или «ρούσιος», так как варяги-русы отличались красноватым цветом волос и лица»¹⁵⁵.

В последние десятилетия XX в. к финско-шведской гипотезе происхождения этнонима «русь» примкнули некоторые советские лингвисты и, в частности, Г.А. Хабургаев, который в исследовании, посвященном этнонимии «Повести временных лет», излагает свою концепцию возникновения и расширения значения понятия «русь». Ученый настойчиво проводит мысль о том, что «нет для этого этнонима опоры на восточнославянской почве», а в качестве одного из главных аргументов в защиту его скандинавского происхождения он приводит тот факт, что «на севере этот термин отразился как в славянских названиях местности (например, *Русь-Старая*), так и в ономастической номенклатуре соседних народов: финск. – суоми *Ruotsi* «шведы», *Ruotsalainen* «Швеция»; эст. *Roots* «шведы», *Rootslane* «Швеция»; водск. *Rôtsi* «шведы»; ливск. *Rúot'sli* «Швеция». При этом финск. *Ruotsi* славянами могло быть воспринято только как *русь*, подобно тому как финское самоназвание *Suomi* в Новгородской (!) летописи передается как *сумь*, самоназвание *Vepsi* – как *вьсь* и т. д.»¹⁵⁶. При всем уважении к этому крупному ученому все-таки приведенный аргумент следует признать неубедительным, так как, во-первых, он вовсе не доказывает, что «Ruotsi» трансформируется только в «Русь» и не объясняет, как это происходит и почему, а во-вторых, эта самая «ономастическая номенклатура соседних народов» относится именно к Швеции, но никак не к Руси. Сам же автор на следующей странице подчеркивает: «все не подвергшиеся славянизации прибалтийско-финские народы знают (и до сих пор сохраняют) этноним *Ruotsi*... для обозначения шведов (а не славян!)»¹⁵⁷. Как же из этого можно делать вывод о применении этого этнонима по отношению к русским?

Оставляя без внимания возникающие вопросы и сомнения, к гипотезе В.А. Брима, связывающей название Руси с финским названием Швеции, примкнул и Г.С. Лебедев, который считает, что «Верхняя Русь является единственной областью, где имелись все предпосылки для такого преобразования в виде длительных и устойчивых славяно-финско-скандинавских контактов»¹⁵⁸. Этой же версии происхождения названия Руси (*Русь* – от *Ruotsi*, а *Ruotsi* от **rops-*) придерживаются и Е.А. Мельникова с В.Я. Петрухиным¹⁵⁹, и И.Н. Данилевский¹⁶⁰.

В версии о скандинавском происхождении имени русского народа много искусственных натяжек. На это неоднократно указывали наши авторитетнейшие ученые. Еще академик Б.Д. Греков, касаясь очень неуклюжей этимологии **drôtsmenn** > **Ruotsi** > **Русь**, выстроенной Бримом, заметил: «Однако совсем не нужны эти излишне тонкие, но неверные филологические построения, когда мы имеем термин *русь* на юге во всей откровенной форме, не требующей никаких филологических комментариев»¹⁶¹. В.В. Мавродин писал: «Трудно себе представить, если стоять на позициях признания финского происхождения слова *ruotsi* – *русь*,

¹⁵⁵ Брим В.А. Указ. соч. С. 8—10.

¹⁵⁶ Хабургаев Г.А. Указ. соч. С. 219.

¹⁵⁷ Там же. С. 220.

¹⁵⁸ Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 225–226.

¹⁵⁹ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38; Петрухин В.Я. Указ. соч. С. 51.

¹⁶⁰ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 58–59.

¹⁶¹ Греков Б.Д. Указ. соч. С. 449.

почему восточные славяне, зная хорошо самоназвание шведов (свеи), норвежцев (урмане), датчан (дони), жителей Готланда (гъте), назвали шведов по-фински *ruotsi*. Нельзя объяснить, почему шведы в Восточной Европе взяли на себя чужое название, а не «прозвашася своим именем», почему в Швеции неизвестно название Русь, если, хоть и косвенно, оно пришло из Швеции»¹⁶². Мавродин отмечает, что термин «Russia» вошел в обиход в скандинавских языках лишь в XIII–XIV вв., до этого же употреблялся крайне редко и был книжным, а не взятым из живой речи, поэтому «не может быть сомнений в том, что термин Русь пришел в Скандинавию из Руси славянской, Руси Киевской»¹⁶³.

Один из крупнейших польских историков Х. Ловмянский, которому принадлежит наиболее полное и обстоятельное исследование вопроса о русско-норманнских отношениях, утверждает, что лингвисты, выведившие слово «Русь» из «Ruotsi», превысили границы своих исследовательских возможностей¹⁶⁴. Украинский историк П.П. Толочко, крупный специалист по истории Древней Руси, также считает, что «кроме некоторого созвучия, в словах этих мало общего, как бы искусно не пытались их сроднить»¹⁶⁵.

Советская скандинавист Е.А. Рыдзевская отмечала, что термин «русь» не может быть скандинавским. Эпоха викингов его не знала; в рунических надписях страна восточных славян называлась Гардар, в древнесеверной литературе – тоже Гардар или Гардарики, а единичное именование «Rusia» представляет собой исключительно книжный термин. В памятниках, написанных на местных языках, а не на латинском, этноним «русь» и производные от него географические названия появляются не раньше XIII–XIV вв. Таким образом, собственно скандинавское происхождение этого этнонима совершенно исключается. В качестве предположения Рыдзевская считает возможным возникновение этнонима «русь» через посредство финского названия шведов – выходцев из местности Roslagen, хотя тут же замечает, что сопоставление «Ruotsi» и «Roslagen» небезупречно в фонетическом отношении¹⁶⁶.

К этому сомнению можно добавить еще одно. Ведь, если название Руси пришло из финского языка, было бы логично предположить, что и сами финны использовали бы тот же термин, однако они называли Русь *Venäjä*, то есть страной венедов. Небезынтересно заметить, что даже Байер был уверен, что «россы восприняли свое название не от скандинавов» («*non a Scandinavies datum est Rossis nomen*»)¹⁶⁷.

Гипотезе северного происхождения этнонима «русь» противостоит гипотеза его южного происхождения. И ее сторонники имеют к тому серьезные основания. Ведь еще С.М. Соловьев, ссылаясь на арабских и греческих авторов, писал о том, что название «русь» на юге было распространено гораздо больше, чем на севере, и что, по всей вероятности, русь на берегах Черного моря была известна еще до середины IX в., то есть задолго до прибытия Рюрика с братьями¹⁶⁸. А.Н. Насонов писал, что «Русская земля получила свое название от имени местного южного населения», что имя это было «местного, исконного происхождения», которое в период образования государства у восточных славян «было уже народным и, может быть, когда-либо в очень далеком прошлом было племенным»¹⁶⁹. П.Н. Третьяков, термин «русь/рось» также признает местным топонимическим образованием юга Восточной Европы, непосредственно связанным с бассейном реки Роси, одного из правых притоков Днепра, где это

¹⁶² Мавродин В.В. Указ. соч. С. 162.

¹⁶³ Там же. С. 157.

¹⁶⁴ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 182.

¹⁶⁵ Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси. С. 104.

¹⁶⁶ Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв.: Материалы и исследования. М., 1978. С. 140.

¹⁶⁷ Bayer Th.-S. Origines Russicae. P. 411.

¹⁶⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1988. С. 118, 291.

¹⁶⁹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 41.

название «с глубокой древности звучало как наименование племени или целой группы племен»¹⁷⁰. М.Н. Тихомиров писал: «Название Русь – древнее прозвище Киевской земли. Центром указанной местности был бассейн Роси. Быть может, первоначальное название Роси распространилось на все среднее течение Днепра, а корень рось, возможно, уже заключен в геродотовском названии Днепра – Борисфен»¹⁷¹. Б.А. Рыбаков полагает, что союз славянских племен Среднего Поднепровья принял имя одного из объединившихся племен – народа Рос, или Рус¹⁷². Последнее же, по его мнению, совпадает «с названием реки, где это племя жило, и Родь (или Роди) – название того же племени, но происходящее от главного «града» племенного центра, расположенного на высокой неприступной горе у впадения Роси в Днепр»¹⁷³. Подтверждение своей гипотезе о южном происхождении топонима «русь» ее сторонники видят, во-первых, в распространенности в районе Среднего Поднепровья гидронимов, связанных с названием «Русь» (Рось, Россава, Роставица), а также в том, что Русь как название славянского народа и их страны неоднократно упоминается арабскими писателями в сочинениях, написанных еще до призвания варягов. Происхождение же самого этнонима большинство из них связывают с названием реки Рось, более глубокая этимология которого ими не прослеживается.

Интересно отметить, что версия о том, что русский народ получил свое имя от реки, имеет очень древние корни. Так, еще в Густинской летописи сообщается, что имя Русь – «от реки, глаголемая Рось»¹⁷⁴. В.В. Мавродин сообщает, что сын Ивана Грозного Иван Иванович в приписке на богослужебной книге (служба Антонию Сийскому) подчеркивает: «... нарицается Русь по реке Русе»¹⁷⁵. Однако здесь нелишним было бы обратить внимание на следующую деталь: автор «Повести временных лет», рассказывая о расселении славян по земле, делает особую оговорку в отношении тех племен, которые получили свои имена по названиям рек. Например: «Яко пришедше, съдоша на рѣцѣ иманемъ Марава и прозвашасѣ Морава» или «инии съдоша на Двинѣи нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, иманемъ Полота, ѿт сея прозвашася Полочане»¹⁷⁶. Однако в отношении народа русь летописец подобной оговорки нигде не делает.

Образование этнических названий от гидронимов – явление довольно распространенное. Примерами этого могут служить уже названные выше моравы – от реки Моравы, полочане – от Полоты, а также бужане – от Буга, балкарцы – от реки Балк (кабардинское название реки Малки на Северном Кавказе) и т. д. Но рассматриваемый случай совсем иной. Дело в том, что гидронимы и топонимы с корнем «рос/рус» известны не только в районе Среднего Днепра, они во множестве представлены во всей Восточной и Центральной Европе (только в Карпатах их насчитывают семьдесят шесть, в том числе десять рек¹⁷⁷), а кроме того, они нередко встречаются и в Западной Европе, и даже в Азии. И если подходить к этому вопросу формально, то, как остроумно заметил В.П. Кобычев, «значительное количество... названий с неменьшим успехом, чем днепровская Рось, могло бы претендовать на право считаться родоначальником этнического имени русь»¹⁷⁸. Впрочем, еще в XIX веке русскими историками уже выдвигались подобные предположения относительно Закарпатья и Юго-Восточной Прибалтики (О. Васильев, Н.И. Костомаров, И.П. Филевич), которые не получили поддержки среди ученых. При

¹⁷⁰ Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. С. 216.

¹⁷¹ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 45.

¹⁷² Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. С. 285.

¹⁷³ Рыбаков Б.А. Проблема происхождения Руси // Очерки истории СССР. III–IX вв.: в 9 тт. / Под ред. Н.М. Дружинина. Т. 2. М., 1956. С. 743.

¹⁷⁴ Густинская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 236.

¹⁷⁵ Мавродин В.В. Происхождение русского народа. С. 167.

¹⁷⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 6.

¹⁷⁷ Филевич И.П. История древней Руси. Варшава, 1896. С. 170–275.

¹⁷⁸ Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973. С. 110.

более внимательном рассмотрении все эти географические названия или сами происходят от имени росов-русов, широко расселившихся по Европе, или же восходят к фонетически созвучным словам из каких-либо древних языков индоевропейской группы. Например, одно из многих значений санскритского слова **rasa** – «вода», в кельтском языке **rus, ros** означает «озеро». И именно с понятиями «вода», «река» связывал термины «рось» и «русь» русский исследователь прошлого века С. Геденов, считая их однокорневыми со словами «русалка», «ручей», «русый» (по цвету воды), «русло»¹⁷⁹.

Некоторые сторонники южного происхождения этнонима «русь» производят его от иранских слов со значением «светлый», проводя параллели, например, с осетинским **ruxs/roxs** (свет, светлый), персидским **ruš** (сияние), древнеиранским **auruša** (белый) и т. д., имея в виду указания многих мусульманских писателей на красный (рыжий) цвет славян и русов, в частности. На это обращали внимание аль-Ахталь, аль-Масуди, абу-Амру, абу-Мансур, ибн-Фадлан и др.¹⁸⁰. Следует заметить, что на арабском языке слово «красный (рыжий)» часто обозначает и «русоволосый», «блондин». Но эта версия вызывает ряд вопросов. Во-первых, если в этом случае имеется в виду светлая кожа, светлые волосы славяно-русов, то непонятно, почему это имя восприняли темноволосые днепровские славяне (об этом же, кстати, вопрошал и Х. Ловмянский) и почему его не приняли по отношению к себе белокурые и голубоглазые германцы? Во-вторых, если краснолицые обитатели северных стран поражали своим необычным внешним видом арабов, привыкших к смуглолицему типу жителей юга, то почему этот термин восприняли по отношению к себе славянорусы, которые жили в окружении людей, подобных себе, и для которых светлый тип кожи был обычным явлением? В-третьих, этнология не знает других славянских этнонимов, которые бы возникали по таким внешним признакам людей, как цвет кожи или волос. К тому же, вышеприведенные иранские слова переходят в «рус-рос» уж с очень большой натяжкой.

На последнее обстоятельство, в частности, обратил внимание О.Н. Трубачев, который полагал, что иранская праформа ***rauxšna** с ее придыхательным согласным и суффиксом – **памало** подходит в качестве источника слова «русь». Трубачев разрабатывал индоарийскую этимологию этнонима, предлагая в качестве его источника близкую по значению бессуффиксную древнеиндийскую форму **rukṣa-**, которая должна была измениться в ***russ-** в результате упрощения согласных. В отличие от сторонников предыдущей гипотезы ученый высказал предположение, что существовала древняя (дославянская и дотюркская) региональная традиция именованья Северного Причерноморья «Белой, Светлой страной», в результате чего появился и этноним «рос», первоначально тяготевший к Тавриде, Приазовью и Северному Причерноморью и применявшийся к какому-то особому народу; с появлением же здесь славян этот древний инородный этноним постепенно стал насыщаться новым этническим содержанием. Эта гипотеза была подкреплена сопоставлением с этимологическим значением этнонима «куман» (половцы), что означает «беловатый, беловато-желтый»¹⁸¹.

Этимологию Трубачева подверг критике немецкий лингвист Г. Шрамм, который считал, что упрощение **ks** в **s(s)** при варианте **rukṣa-** → ***russ-** является труднодопустимым, поскольку **ṣ**, по его мнению, должна была дать **š**, а не **s**. К тому же, отмечает Шрамм, восточные славяне в IX в. иноязычное **u** передавали через **ъ**, поэтому следовало бы ожидать славянское «ръс» с последующим переходом в «рос», но никак не в «русь», учитывая, что в этом слове **y** – долгое¹⁸². Эти критические замечания немецкого ученого не убедительны. Во-первых, в рассмат-

¹⁷⁹ Геденов С.А. Указ. соч. С. 416–427.

¹⁸⁰ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X в. по РХ). СПб., 1870. С. 3, 5, 93.

¹⁸¹ Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. С. 13–29; Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 3–21.

¹⁸² Schramm G. Die Herkunft des Namens Ruš. Die Kritik des Forschungsstandes // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.

риваемом случае **и** не могло перейти в **ъ**, поскольку старославянский нелабиализованный гласный средне-верхнего подъема, заднего ряда **ъ** происходит из индоевропейского краткого ***ǵ** (например: дъшти < и.-е. *dhutgēr; ср.: *греч.* θυγάτηρ, *лит.* duktė)¹⁸³, в то время как в этнониме «русь», как это подметил и сам Шрамм, **у** – долгое. Во-вторых, переход **ѕ** в **с** (**ш** → **с**) известен в индоевропейских языках и имеет название «шатва», о чем будет сказано немного ниже.

В начале двадцатых годов нынешнего столетия В.А. Брим, о котором уже шла речь выше, предпринял попытку объединить северную и южную версии происхождения имени русского народа. Отстаивая скандинавский вариант происхождения термина «русь», он не мог не обратить внимания на широкую распространенность корня «рос» в географических названиях южной России, что, по его мнению, неопровержимо доказывает существование «уже в очень древнее время... у Черноморья и, в частности, на юге России» какого-то историко-географического термина «Рос». «И, конечно, не может быть сомнения, – пишет ученый, – что он оказал влияние на образование национального имени русской народности»¹⁸⁴. Двойственная огласовка корня (через **о** и через **у**) вызвана, по его убеждению, тем, что в терминологии «Россия» – «Русь» сплетены два течения: одно – идущее с юга, другое – идущее с севера. Когда варяги, рассуждает Брим, пришли к берегам Днепра и принесли с собой новое племенное название «Русь», «оно оживило на юге старую прочную традицию вокруг термина «Рось»¹⁸⁵. По его мнению, эти два термина имеют совершенно разное происхождение и только волею исторических судеб они встретились и продолжают мирно жить в словах «Россия» и «русские». С этим согласиться нельзя. Как будет показано дальше, взаимозаменяемость **о** и **у** в имени русского народа (как, впрочем, и во многих других словах) есть явление исторической грамматики русского языка, которое подтверждает факт глубокой древности как самого народа, так и его этнонима и свидетельствует о широком расселении древних русских племен по территории Европы.

Попытался, но не сумел объединить известные ему различные гипотезы происхождения имени русского народа Г.В. Вернадский. Напомнив, что в древности под названием Рос были известны река Волга, часть Немана, приток Дона Оскол, притоки Наревы и Шескзупа, что Дон назывался Русской рекой и т. д., он высказывает мысль о возможности того, что «название *рос* (иначе *русь*)... произошло в иранский период»¹⁸⁶. Это название, по его мнению, могли оставить рекам «сарматские племена аорсы и роксоланы», которые «распространились уже во втором веке до н. э. по территории Волги, Дона, Дона и Днепра». Имена этих племен он связывает с иранскими словами **ors** или **uors** (белый) и **rukhs** (светлый). В дальнейшем «иранское племенное имя могло быть рационализировано местными славянами с помощью их собственного языка (рос от роса)», а торговые отношения могли «привести к распространению имени рос на север». Однако, стараясь примирить эту гипотезу с норманнской теорией, он добавляет: «Но, скорее всего имена, подобные рос и русь, появились в северном регионе в более поздний период готов или даже варягов»¹⁸⁷.

Своеобразную гипотезу возникновения имени русского народа из соционима разработал С.В. Юшков в статье, посвященной начальным этапам Русского государства и напечатанной в 1940 г. В целом, он тоже примыкает к южному варианту происхождения этнонима «русь»: «И византийские, и арабские источники, – пишет автор, – говорят о руси, как о народе, жившем или неподалеку от Черного моря, или же даже на побережье Черного моря»¹⁸⁸. Своеобразие

Vd. 30. Berlin, 1982. S. 30–31.

¹⁸³ Попов М.Б. Введение в старославянский язык. СПб., 1997. С. 49, 51–52.

¹⁸⁴ Брим В.А. Указ. соч. С. 7.

¹⁸⁵ Там же. С. 10.

¹⁸⁶ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 117.

¹⁸⁷ Там же. С. 117–118.

¹⁸⁸ Юшков С.В. К вопросу о происхождении Русского государства // Уч. зап. Моск. юр. ин-та НКЮ СССР. Вып. 2. М., 1940. С. 48–49.

же его гипотезы состоит в том, что, по его мнению, термин «русь» получил этническое содержание позднее, а первоначально он был термином социальным. Юшков отмечает, что в VIII–IX веках у восточных славян имелась «особая социальная группа», носившая это имя и потом передавшая его всему народу. Эта социальная группа первоначально состояла из купцов, ставших «организаторами первых государств, возникших на территории восточного славянства», далее к ним присоединяются профессиональные воины, ремесленники, родо-племенная знать, которые говорили «на особом, более развитом, нежели наречия славянских племен, языке», имели «более высокую культуру, развивавшуюся под значительным арабским и византийским влиянием», и с течением времени эти социальные группы «настолько резко стали отличаться от массы общинников, которая их окружала и которая платила им дань и находилась под их властью, что возникла необходимость в особом названии этих групп. Так возникло название русь»¹⁸⁹.

Думается, что на появление гипотезы Юшкова оказали влияние размышления над словом «русь» В.О. Ключевского, который, правда, считал, что его первоначальное значение было племенным: «так называлось то варяжское племя, из которого вышли наши князья». И лишь потом, по мнению последнего, «это слово получило сословное значение: русью... назывался высший класс русского общества, преимущественно княжеская дружина, состоявшая в большинстве из тех же варягов»; позднее оно получает «географическое значение» и, наконец, в XI–XII вв. приобретает смысл политический: «так стала называться вся территория, подвластная русским князьям»¹⁹⁰.

Надо заметить, что впоследствии многие ученые будут обращаться к этой модели Ключевского, используя отдельные составляющие ее части. Юшкова в этой модели привлекла ее вторая часть, которую он очистил от норманнского налета и приспособил к южному варианту. Но уже Б.Д. Греков констатировал, что признать эту точку зрения правильной не представляется возможным, «поскольку мы имеем основание считать этнический термин «русь» более ранним, чем наименование тем же термином «социальной группы», отмечаемой нашими источниками»¹⁹¹. Много позже А.А. Горский, адресуясь к тем авторам, которые время от времени делают попытки реанимировать эту «социальную» версию происхождения названия «Русь» (правда, уже без ссылок на ее родоначальников), заметит: «В отечественных источниках нет данных, дающих убедительные основания предполагать наличие у термина *русь* социального смысла»¹⁹².

Однако в последние годы эту же гипотезу вновь включили каждый в свою книгу В.Я. Петрухин и И.Н. Данилевский. Первый пишет об «исходной социальной окраске слова «русь»», которое употреблялось для обозначения княжеской дружины, а впоследствии, в процессе «окняжения племенных территорий» оно «распространилось на подвластные князю земли и воспринималось там, прежде всего, в качестве политонима»¹⁹³. Второй автор считает, что многие вопросы снимаются, «если признать, что слово «*русь*» не рассматривалось авторами древнерусских источников как этноним» и настаивает на том, что «*русь* – термин, относящийся не к этническому, а к социальному тезаурусу восточных славян» и в этом смысле «может относиться к представителям различных этнических групп: датчанам, шведам, норвежцам, финнам, восточным славянам и славянам Восточной Прибалтики»¹⁹⁴. Нам же думается, что подобная трактовка не только не снимает возникших вопросов, но вызывает много новых.

¹⁸⁹ Там же. С. 56–57.

¹⁹⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Сочинения: в 9-ти тт. Т. I. М., 1987. С. 177–178.

¹⁹¹ Греков Б.Д. Указ. соч. С. 449.

¹⁹² Горский А.А. Проблема происхождения названия *Русь* в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3. С. 133.

¹⁹³ Петрухин В.Я. Указ. соч. С. 113.

¹⁹⁴ Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 57.

К мнению о том, что «сущность термина «русь» – соционим, а не этноним», склоняется и Г.И. Анохин¹⁹⁵. Но в отличие от вышеназванных авторов последний происхождение этого «соционима» связывает со значением «дородный», «богатый», которое, по его мнению, имеет слово «рус», «рос», «русь» во всех индоевропейских, а также в финно-угорских языках¹⁹⁶. В этой версии тоже нельзя не усмотреть явные натяжки и бездоказательность.

Стремлением объяснить, почему этнический термин «русь» в одних случаях фиксируется на юге нашей страны, а в других – на севере, в районе южного побережья Балтийского моря, является и так называемая «ругская» гипотеза, которую отстаивает В.П. Кобычев¹⁹⁷. Ссылаясь на Страбона, Тацита, Иордана, он полагает, что первоначально этноним «русь» сложился на южном побережье Балтики, где уже с первых веков нашей эры были известны племенные наименования сходного семантического корня: «луги», «руги», «роги». Движение готов вынудило часть ругов во II–III вв. н. э. передвинуться в Подунавье и Прикарпатье. К середине V в. они уже известны на среднем Дунае. «Не исключено, – пишет Кобычев, – что именно здесь руги окончательно утратили свою самостоятельность и ославились, оставив по себе память лишь в имени, которое на славянской почве в соответствии с законом второй (третьей?) палатализации, подобно словообразованиям *kъnasъ* из немецкого *Konig* или – *ihnas* «мелкая монета» из *Pfennig*, приобрело форму *русь/рось*»¹⁹⁸.

Аналогия совершенно неудачная, поскольку здесь ученый явно не разобрался с законами палатализации. По второй палатализации заднеязычный согласный *g перед гласными *e и *i дифтонгического происхождения изменялся в *d'z' (позднее – в z'), но, во-первых, это предполагало бы сохранение твердого g в единственном числе именительного падежа при мягком z' во множественном числе (как, например: другъ – друзи, рогъ – рози) и, во-вторых, звук g не мог перейти в s. Третья палатализация, в отличие от второй, была прогрессивной, то есть изменение заднеязычного согласного вызывалось предшествующим гласным **переднего** ряда, а не последующим, а в словах «роги», «руги» согласному g предшествуют гласные **заднего** ряда. Таким образом, по законам палатализации, «роги-руги» никак не могут измениться в «рось-русь».

И, тем не менее, высказанная гипотеза продолжает свое существование. Как ни досадно, но аналогичного мнения придерживался и А.Г. Кузьмин. В отличие от предыдущего ученого, который не затрагивал вопроса об этимологии этнического термина «руги», последний связывал этот этноним (руги-русы) с понятием «красный», «рыжий», а многообразие вариантов этого названия (руды, роки, рены, руци, рузы и т. д.) он объяснял особенностями фонетики у разных народов¹⁹⁹. Надо отметить, что в целом «ругская» гипотеза, особенно в трудах А.Г. Кузьмина, содержит много ценного, и мы в дальнейшем еще будем к ней обращаться. Что же касается этнонима «рос», то он, как это будет показано немного ниже, появился гораздо раньше этнонима «руги» с его многообразными вариантами; каждый из них имеет свою особую, независимую одна от другой этимологию (о происхождении и значении названия «руги» будет рассказано в § 3 IV-й главы).

Нельзя не остановиться, хотя бы вкратце, еще на некоторых гипотезах, которые никак не связаны с вышеизложенными и в гораздо меньшей степени были удостоены внимания со стороны официальной науки и критики.

Так, русский историк XIX в., профессор Московского университета Ф.Л. Морошкин считал, что в этнониме «росс» заложен принцип роста, а слово «Россия» означает «древлянская»,

¹⁹⁵ Анохин Г.И. Указ. соч. С. 57.

¹⁹⁶ Там же. С. 56.

¹⁹⁷ Кобычев В.П. Указ. соч. С. 111–115.

¹⁹⁸ Там же. С. 112.

¹⁹⁹ Кузьмин А.Г. Одоакр и Теодорих // Страницы минувшего. Сборник: Очерки / Сост. Л.М. Анисимов. М., 1991. С. 517–518.

или «лесная» земля, что, по его мнению, подкрепляется таким семантическим рядом, как: Россия – Roscia – роща. Полагая, что это слово звучит в различных видовых названиях растительного царства, он находил славяно-росов во всех местностях, названия которых походили на названия растений, насчитав до восьми мест, откуда они могли выйти. Например, Ракушино – название нескольких деревень в Новгородской губернии – означает, как считает Морошкин, «лесное селение», поскольку в него входят корни русских слов «ракита», «рогожа», «рог (рожь)», «рука», «руга», «рай», «раз» или «рез» (рост процента согласно «Русской правде»). Все эти названия, поясняет автор, – русские и совершенно понятны: «рог» – нарост на лбу, но в древние времена это слово означало и «лес», на Украине оно и теперь сохранило это значение, «руга» – земля с лесными угодьями, «рука» – ветвь организма, особый вид «рога». Поллатыни, – продолжает свои рассуждения Морошкин, – «рус» означает «деревня», а в корне этого слова – тоже «дерево»²⁰⁰. Нетрудно заметить, что здесь в один семантический ряд попали слова, имеющие совершенно различный смысл и различную этимологию, поэтому принимать всерьез эти рассуждения никак нельзя.

А. Вельтман, также историк прошлого века, имя русского народа связывал с санскритским **rajan** (раджа, царь) и, исходя из этого, названия «Русь», «Руссия» переводил как «земля князей русских, то есть родовых владык»²⁰¹. Но даже не нужно быть специалистом, чтобы признать подобную этимологию абсолютно невозможной.

Наш современник Г.С. Гриневич, геолог по профессии, но много сил потративший на дешифровку праславянской письменности и опубликовавший свой труд в первом томе «Энциклопедии русской мысли», ставит знак равенства между словами «рысь» и «русь», «рысичи» и «русичи», считая, что рысь в давние времена считалась тотемом наших предков и дала название древним русам²⁰². Вполне возможно предположить, что какой-то русский род действительно называл себя рысичами, связывая свое происхождение с рысью, но только к имени всего русского народа этот гипотетический тотем никакого отношения не имеет. Дело в том, что название зверя «рысь» этимологически восходит к общеславянскому ***lyсь**, а последнее, в свою очередь, происходит от индоевропейского ***leuk'**– (***louk'**-, ***luk'**-) со значением «светиться» (ср. русские «луч», «лысина»), «гореть», а также «видеть» и связано с характерным свойством кошачьих глаз светиться, как бы «гореть» в темноте²⁰³. Звук **p** в слове «рысь» появился значительно позднее, в результате контаминации (ср.: **рыскать** от общеславянского корня ***risk**-со значением «быть в движении», «стремиться»), в то время как в слове «русь» он является изначальным.

Похожую версию, но более громоздкую и еще менее вероятную создал и В.И. Щербаков, который считал, что слово «рысь» произошло от названия леопарда, которое писалось «рас», а звучало «рос», «рус» (к сожалению, автор не пояснил, как ему удалось установить это соответствие). Название «рас» он, в свою очередь, нашел в хаттской надписи «капрас», что означает «леопард», а согласно Щербакову – «священный леопард», поскольку от первой части этого слова «кап» происходит славянское «капище» и этрусское «кепен-капен» (жрец)²⁰⁴. Надо заметить, что статьи и книги этого писателя и ученого-философа всегда были очень интересные, увлекательные, но в данном случае ему явно не хватило трезвости научного анализа.

Писатель и историк-любитель Р.К. Баландин в качестве понятий, характеризующих русов «людьми суши, земли», предлагает такие слова, как: славянские «рутка» (колодец), «рушить», «крушить», а также «круш» («шахта» по-чешски), шведское «gusa» (вырывать), литовские

²⁰⁰ Морошкин Ф.Л. Историко-критическое исследование о русах и славянах. СПб., 1842.

²⁰¹ Вельтман А.Ф. Индо-германы, или сайване. Опыт свода и поверка сказаний о первобытных населенцах Германии. М., 1856. С. 27.

²⁰² Гриневич Г.С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. М... С. 117.

²⁰³ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. С. 131.

²⁰⁴ Щербаков В. Сыны леопарда уходят на север // Техника молодежи. 1988. № 4. С. 44–47.

«*gusus*» (деятельный), «*gausis*» (пещера), «*tusas*» (погреб). А разгадку имени русов он видит в древнем верхненемецком слове «*aruzzi*», что означает «руда», усматривая в названии русского народа не этнический признак, а, так сказать, профессиональный: русы – рудокопы²⁰⁵.

Время от времени появляются и гипотезы из разряда курьезных – вроде той, что предложили Ю.А. Хлестков, Н.С. Трушкин и Б.И. Блескин в статье ««Расейская» цивилизация», опубликованной в журнале «Природа и человек» («Свет»). «Откуда произошло само название «Россия» – загадочное название, неподдающееся расшифровке, несмотря на мощнейший диапазон нашего русского языка?» – задают себе вопрос авторы статьи и ответ на него видят в слове «Ра», которое на языке «працивилизации Севера (Гипербореи)... означало просто Солнце»²⁰⁶. Исходя из этого, они во всех словах, содержащих буквосочетание – **ра-**, независимо от того, несет ли оно в себе семантическую нагрузку или нет, усматривают солнечный свет: радуга, правда, прадед, вера, грамота, рассудок и т. д. «Поэтому, – заключают авторы, – и Россия либо Ра-сея – «солнечный свет сеющая», либо, еще короче, Ра-сия – «это солнечная»²⁰⁷. Здесь уж, как говорится, комментарии излишни.

Этот ряд гипотез можно было бы продолжить, но и без того ясно, что проблема происхождения названия русского народа продолжает оставаться актуальной и по сей день, волнует и историков, и лингвистов, и просто любителей славяно-русских древностей. Небезынтересно привести мнение советского лингвиста А.И. Попова, высказанное им в начале 70-х годов прошлого века: «Из существующих многочисленных попыток этимологического объяснения термина «Русь» ни одна не заслуживает признания за ней даже какой-либо степени правдоподобия»²⁰⁸.

Мысль о том, что вопрос о происхождении имени русского народа пока так и остается нерешенным, прозвучала и в конце 1980-х гг. в статье А.А. Горского. В ней автор, в частности, указал на ряд фактических ошибок в работах сторонников «скандинавской» гипотезы (В.Я. Петрухина, Е.А. Мельниковой, Д.А. Мачинского), снижающих убедительность их аргументации, и подытожил: «Таким образом, аргументация в пользу «скандинавской» гипотезы не представляется убедительной: ее сторонники придают важное значение лингвистическим параллелям, но при этом не учитывают ряда вступающих в противоречие с их концепциями исторических известий и выводов историков»²⁰⁹. Южный вариант, по мнению Горского, подкрепляется более надежными историческими свидетельствами, но «пока не имеет достаточно убедительного лингвистического обоснования»²¹⁰.

Таким образом, ни одна из множества рассмотренных здесь точек зрения по вопросу о происхождении названия **Русь**, не представляется убедительной.

Имя росов-русов будет оставаться для нас загадкой до тех пор, пока мы не откажемся от укоренившегося в академической науке представления о них как о народе сравнительно молодом, не имевшем своей истории древнего мира. А ведь совсем не случайно русские летописцы вслед за автором «Повести временных лет» происхождения русского народа связывают с одним из родоначальников послепотопного человечества – библейским Иафетом, младшим сыном Ноя: «Афетово бо и то колено: Варазы, Свеи, Оурмане, [Готе], Русь, Агнание, Галичане, Волхва, Римлане, Нъмци, Корлази, Вендици, Фрагове и прочии даже присъдаты от запада к полуночию и съсѣдаты с племянемъ Хамовымъ»²¹¹. Для них не было сомнения в том, что русь была в числе тех народов, которые после разрушения вавилонского столпа и «по раздѣ-

²⁰⁵ Баландин Р.К. Кто вы, рудокопы России? М., 1990.

²⁰⁶ Хлестков Ю.А., Трушкин Н.С., Блескин Б.И. «Расейская» цивилизация // Природа и человек (Свет). 1996. № 8. С. 72.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Попов А.И. Славяне, Русь, Россия // Русская речь. 1972. № 2. С. 109.

²⁰⁹ Горский А.А. Указ. соч. С. 133–134.

²¹⁰ Там же. С. 134.

²¹¹ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 4

леньи языкъ» «прияша западь и полунощные страны»²¹². Однако то, что было очевидно летописцам, упорно игнорируют многие современные ученые.

Х. Ловмянский в книге, о которой уже неоднократно шла речь, приводит очень важную мысль, высказанную А. Брюкнером: «Кто верно объяснит название Руси, найдет ключ к выяснению ее первоначальной истории»²¹³.

Данными, подтверждающими глубокую древность русского народа и позволяющими делать определенные выводы о происхождении его имени, располагают теоретическая этнология и компаративистика – наука, занимающаяся сравнительным изучением родственных языков с целью восстановления более древнего их состояния (от лат. *comparativus* – сравнительный).

Согласно данным этнологии и как это уже было показано в предыдущей главе, важным моментом формирования этносов является их самоидентификация, выделение себя из других народов. Начало этого процесса восходит к древнейшим временам. По мнению В.И. Абаева, в эпоху верхнего палеолита не смену биологическим оппозициям приходят новые, социальные, которые находили выражение и объективировались в символах-словах, обозначавших «примерно то, что мы выражаем теперь местоимениями «мы», «наше», в противоположность «не-мы», «не-наше»»²¹⁴

---

²¹² Там же. С. 5.

²¹³ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 163.

²¹⁴ Абаев В.И. Указ. соч. С. 239.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.